ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Детство, отрочество, юность... Эта прекрасная и неповторимая пора, когда человек познает мир и самого себя, во многом дает ключ к пониманию каждого характера, каждой судьбы. Ведь все начинается с генотипа, семьи, окружающей среды, первых детских впечатлений и поступков, школы, товарищей. Это в полной мере относится и к нашему герою.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября (11 декабря по новому стилю) 1856 г. в деревне Гудаловке Липецкого уезда Тамбовской губернии в семье мелкопоместного потомственного дворянина, отставного штабс-капитана Валентина Петровича Плеханова и его второй жены Марии Федоровны, урожденной Белынской. Отец по складу характера очень напоминал старого князя Болконского из «Войны и мира» Толстого. Валентин Петрович Плеханов был человеком прямым, резким, неуживчивым. По примеру своих предков он служил в армии, участвовал в 1831 г. в подавлении польского антирусского восстания, но уже в 24 года расстался с военной службой, женился (обвенчавшись тайно от родителей невесты) и стал чиновником. Однако и на гражданской службе дела у него, видимо, шли не лучше, чем в армии: Валентин Петрович часто переходил с места на место и в 39 лет вышел в чистую отставку. Последней в его послужном списке была должность старшего заседателя от дворян в Липецком уездном суде.

От первого брака у В.П.Плеханова было пятеро сыновей и три дочери (одна из них, Мария стала матерью известного большевистского наркома Н.А.Семашко). Овдовев, Валентин Петрович вторично женился на дочери скромного тамбовского чиновника М.Ф.Белынской, внучатой племяннице В.Г.Белинского. Мария Федоровна была на целых 22 года моложе своего мужа, значительно превосходила его по культурному уровню (она закончила институт благородных девиц в Тамбове) и была очень доброй и мягкой женщиной. Все ее время поглощали заботы о муже и детях. Кроме Георгия, у В.П. и М.Ф.Плехановых были умершие в раннем детстве Владимир и Евгений, доживший до 19 лет Федор и три дочери — Александра, Варвара и Клавдия. Мать сама учила их русскому и французскому языкам, арифметике, музыке. Она вносила в жизнь семьи атмосферу взаимной заботы и доброжелательности, приучала детей видеть в крестьянах таких же людей, как и их господа, развивала у своих малышей любовь к природе, тягу ко всему прекрасному. Можно смело сказать, что хорошим воспитанием,

тонкостью и несомненным артистизмом своей натуры Георгий во многом был обязан именно матери.

От отца он унаследовал твердый, независимый, очень самостоятельный характер, врожденную гордость, трудолюбие, привычку к строгому порядку в делах и мыслях. Георгий часто повторял отцовский завет: работать надо всегда, отдохнем, когда умрем. Даже в старости перед глазами Плеханова-младшего как живые вставали картины привольной и беззаботной жизни в Гудаловке, где отец сам учил его верховой езде и обращению с лошадьми. Отцовская фраза «Возжей не отпускай!» с тех пор крепко врезалась в память Георгия, приобрела для него расширительный, определяющий все поведение человека смысл и стала одним из главных жизненных правил.

Однако Валентин Петрович был довольно сложной натурой: раздражительный, вспыльчивый, болезненно самолюбивый, он оставался типичным помещиком-крепостником, внутренне так и не принявшим крестьянскую реформу 1861 г. Крестьяне боялись и не любили его. Говорят, что почти в каждом русском можно найти черты татарина, напоминающие о далеких временах монголо-татарского нашествия и Золотой орды. Сама фамилия Плехановых говорит об их татарских предках. Воинственность, задиристость и страстность натуры были у них, что называется, в крови: недаром Валентин Петрович и его брат Михаил, совместно владевшие доставшейся им от отца деревенькой, устраивали там настоящие «потешные бои», когда их крепостные шли стенкой на стенку. А потом Плеханов-старший мог погрузиться в «потемкинскую» хандру, становился необщительным, замкнутым, грубым. Не одобрял он и рано проявившуюся у Георгия под влиянием матери страсть к чтению, опасаясь, что книги рано «высушат мозги» мальчика. В дальнейшем некоторые отрицательные черты характера отца, к сожалению, стали проявляться и у сына, хотя благотворное материнское начало заметно смягчало его нрав.

Материальное положение Плехановых было незавидным, тем более что отцу нужно было обеспечить и детей от первого брака. Достаточно сказать, что после смерти Валентина Петровича его второй семье досталось в Гудаловке немногим более 90 десятин земли[1]. В 1867 г. Плехановы купили дом с флигелем в Липецке, причем часть комнат сдавалась внаем, чтобы пополнить скудный семейный бюджет. Таким образом, это была типичная мелкопоместная дворянская семья, с трудом сводившая концы с концами.

Чтобы лучше представить себе ту обстановку, в которой проходило детство маленького Георгия, стоит перечитать «Записки охотника» Тургенева. Неброская красота среднерусской лесостепной полосы, крестьяне, в которых крепостной строй не убил душевную

[1] См.: Бережанский А.С. Новое о семье, в которой рос Г.В.Плеханов // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 156.

чистоту, природную сметку, трудолюбие, юмор, — все это навсегда слилось в памяти мальчика с образом родины. Кстати говоря, именно крестьянские ребятишки стали товарищами детских игр «Жоржи», как они переиначили на свой лад имя Жорж, которым называли Георгия дома.

Его детские годы совпали с огромными переменами в жизни России. Из разговоров взрослых Жорж Плеханов наверняка знал об отмене крепостного права, выборах в земство, появлении суда присяжных. И хотя он еще не мог понять суть и значение этих и многих других важных событий, происходивших в 60-х годах XIX в. и вошедших в историю под именем великих реформ, но зоркий глаз мальчика подмечал озабоченность и дурное настроение отца, дерзкие взгляды осмелевших крестьян, частые наезды станового. Чувствовалось, что начинается ломка всего старого уклада жизни, переоценка ценностей, изменение привычных отношений между людьми.

Георгий быстро взрослел. Он рано научился читать, ездить верхом на лошади и плавать, был смелым и выносливым. Все это очень пригодилось мальчику, когда он стал учеником Воронежской военной гимназии, где учились и его старшие сводные братья. Вначале отец решительно возражал против того, чтобы Жорж по примеру предков избрал военную карьеру. Однако 12-летний мальчик проявил характер, заявив, что не хочет быть «штафиркой», как называли тогда штатских. В 1868 г. его отдали в Михайловскую военную гимназию, открытую за три года до этого на базе кадетского корпуса в Воронеже. Напомним, что в то время в вооруженных силах России проходили важные преобразования, связанные с именем военного министра Д.А.Милютина — одного из крупнейших деятелей эпохи реформ. По его инициативе началась и либерализация системы военного образования, целью которой было улучшение качественного состава офицерского корпуса. Так, воспитанники Воронежской военной гимназии довольно углубленно занимались гуманитарными предметами, много читали, устраивали различные диспуты. Правда, уже в начале 70-х годов, с приходом нового директора, в гимназии вновь почувствовалось холодное дыхание ушедшей николаевской эпохи, что не замедлило сказаться на поведении и успеваемости будущих офицеров. И все же Георгий сумел получить здесь достаточно прочный запас знаний, выработать в себе строгую внутреннюю дисциплину, физически окрепнуть.

Хорошая домашняя подготовка позволила ему поступить сразу во второй класс. Товарищи быстро приняли юного Плеханова в свою среду: он не был тихоней, умел драться, хорошо учился сам и помогал другим. Жизнерадостный, неистощимый на выдумки Георгий предложил издавать в гимназии собственный журнал и стал кем-то вроде его главного редактора. Сначала он был одним из лучших воспитанников и неизменно получал поощрения и награды. За успехи в учебе Георгия Плеханова перевели в разряд «казенно-

коштных» учеников, находившихся на государственном обеспечении[1]. Однако к концу гимназического курса он оказался в классе уже только десятым, а по поведению имел даже оценку 8 баллов по 12-балльной системе. В декабре 1872 г. вместе с двумя товарищами Георгий был подвергнут двухдневному аресту с содержанием в карцере за чтение недозволенной литературы. Кроме того, он быстро встал в гимназии на путь атеизма, хотя дома его воспитывали в строгих христианских традициях.

Большое влияние на молодого Плеханова оказал преподаватель словесности Н.Ф.Бунаков — настоящий просветитель и гуманист, буквально преклонявшийся перед Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым. Он привил своему одаренному ученику любовь к родному языку и литературе, научил глубоко анализировать художественные произведения. Круг чтения Георгия в гимназии был достаточно широк: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лермонтов, «Илиада» Гомера, потом Писарев и случайно попавшие в руки юноши произведения Герцена[2]. Уже в зрелом возрасте Плеханов вспоминал, как в последнем классе гимназии он читал с товарищем «Железную дорогу» Некрасова: «Едва мы кончили.., раздался сигнал, звавший нас на фрунтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильным впечатлением от всего только что прочитанного нами. Когда мы строились, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ». Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память...»[3]. Заметим, что Некрасов и Лермонтов на всю жизнь остались любимыми поэтами Плеханова.

В мае 1873 г. в возрасте 63 лет от горловой чахотки умер Валентин Петрович. К лету того же года относится один эпизод, позволяющий судить о характере и взглядах 16-летнего Георгия. Когда мать задумала сдать землю в аренду соседним богатым молоканам, оставив себе лишь 17 дес. и, лишив, таким образом, гудаловских крестьян возможности самим арендовать участки барской запашки, он сказал: «Мне легче сжечь всю усадьбу, чем видеть, что земля в руках чужих, а не наших крестьян». Мария Федоровна вынуждена была вернуть щедрый задаток, а в памяти гудаловских мужиков младший Плеханов навсегда остался как их заступник[4]. Это уже был серьезный мужской поступок, заявка на справедливость, твердость, гуманность, которая не могла идти ни в какое

[1] См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

[2] Памяти Г.В.Плеханова (однодневная газета). 1918. 9 июня.

[3] Плеханов Г.В. Соч. Т. X. С. 389.

[4] См.: Френчер А.А. На родине Г.В.Плеханова//Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 37.

сравнение с сохранившимися в семейных преданиях более ранними «героическими» поступками Георгия[1], которые свидетельствовали о его смелости, большой выдержке и самостоятельности.

В августе того же 1873 г. Георгий Плеханов поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. После Гудаловки, Воронежа и Липецка императорская столица казалась ему совершенно другим миром: прямые, как стрела, улицы и проспекты, великолепные дворцы и памятники, театры, нарядная толпа на Невском, военные парады... Однако этот официальный Петербург совсем не торопился распахнуть объятия перед бедным провинциальным искателем офицерских эполет. А рядом был Петербург Достоевского, город униженных и оскорбленных, бедного чиновного люда, фабричных рабочих, но он тоже оставался пока для Георгия Плеханова чужим и непонятным.

Спасало то, что рядом оказался близкий, родной человек — сводный брат Митрофан. Будучи на 8 лет старше Георгия, он одно время жил вместе со второй семьей отца в Гудаловке, затем учился в кадетском корпусе в Воронеже, а потом поступил в военное училище в Петербурге. К тому времени, когда Жорж появился в столице, Митрофан был уже слушателем Академии Генерального штаба. Он не просто покровительствовал младшему брату, поступившему в его родное Константиновское училище, но и искренне привязался к нему. Они жили вместе, были неразлучны в свободное от занятий время, оба увлекались теорией Дарвина. Митрофан был сильной, незаурядной личностью, отличался большими способностями и обещал стать отличным кадровым офицером. Однако летом 1876 г. он погиб при загадочных обстоятельствах в Киеве, куда его направили на службу после окончания Академии. М.В.Плеханов был найден мертвым у памятника князю Владимиру: говорили, что он либо покончил жизнь самоубийством, либо был убит на тайной дуэли из-за женщины. Для Георгия гибель любимого брата стала тяжелой, невосполнимой утратой.

Здесь уместно будет сказать и о его взаимоотношениях с другими родственниками. По детским играм в Гудаловке Георгий помнил еще двух своих сводных братьев — Николая и Григория, поступивших затем в Воронежскую военную гимназию. Бывая проездом в Тамбове, Георгий навещал также сестру Софью, жившую там с мужем-военным. Более тесными оказались его связи с родной сестрой Александрой. Она была на четыре года моложе брата, училась в Петербурге в институте благородных девиц. Жизненные

[1] Маленький Жорж попросил однажды у отца попробовать поданную к обеденному столу горчицу, не зная, что это такое. Он мужественно съел целую ложку, а когда Валентин Петрович в шутку спросил: «Дать еще?», со слезами на глазах утвердительно кивнул головой. Незаурядное самообладание проявил он и во время первой поездки верхом на лошади.

пути Саши и Жоржа еще раз пересеклись в 80-е годы, когда Плеханов был уже в эмиграции, а сестра на средства, вырученные от продажи дома в Липецке, приехала к нему в Швейцарию. Там она вышла замуж на серба Якича и вернулась с ним в Киев. Александра завязала связи с революционными киевскими кружками, была в 1883 г. арестована и, как иностранная подданная, выслана за границу, где вновь встречалась какое-то время с братом. Однако отношения их не сложились, а в конце 80-х годов следы Александры затерялись. Наконец, две самые младшие родные сестры Плеханова, Варвара и Клавдия, установили контакт с ним уже в зрелом возрасте, после революции 1905—1907 гг.[1].

В Константиновском училище, не чувствуя особой склонности к военным занятиям, Плеханов много читал, интересовался литературно-критическими статьями, начал задумываться над социальными вопросами[2].

Тесное общение с братом Митрофаном и его товарищами позволило Георгию как бы заглянуть в собственное будущее (причем в лучшем его варианте), и он пришел к выводу, что военная карьера не для него. Поэтому, проучившись всего один семестр, Плеханов подал рапорт с просьбой отчислить его из училища по состоянию здоровья. Чтобы уладить дело, от него потребовалась определенная настойчивость и даже обращение к наследнику престола, но Георгий добился своего и вернулся в Гудаловку. Нужно было поддержать мать, жизнь которой после смерти мужа стала еще тяжелее, и одновременно готовиться к поступлению в какое-нибудь гражданское высшее учебное заведение, поскольку «осесть на земле» и превратиться в захудалого провинциального помещика молодой Плеханов отнюдь не собирался.

Зима и лето 1874 г. прошли в упорных занятиях. Их прерывали лишь тяжелая болезнь Георгия (грудная жаба) и обрушившаяся на семью новая беда — пожар дома. В конце августа 1874 г. Плеханов покинул родное гнездо и опять отправился в Петербург. После успешной сдачи вступительных экзаменов по математике, химии и физике он был зачислен на первый курс довольно престижного в то время Горного института. Начиналась новая, очень важная полоса в жизни нашего героя, с головой ушедшего в занятия. Особенно захватила его химия. Кроме того, Георгий стал посещать Императорскую публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека), где с увлечением читал не только учебную литературу, но и книги по философии, истории, политэкономии, все новинки периодики.

[1] Подробнее о семье Плехановых см.: Френчер А.А. Указ. соч.; Бережанский А.С. Годы на родине//Собеседник. Воронеж, 1971.

[2] См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

Внешний облик Плеханова студенческой поры можно воссоздать по его словесным портретам, нарисованным революционерами-народниками Л.Г.Дейчем и О.В.Аптекманом[1]. Они вспоминали, что Георгий резко отличался своим внешним видом и манерами от основной массы студентов из разночинской среды, любивших демонстрировать полнейшее пренебрежение ко всем житейским «условностям», будь то одежда, походка, разговорный язык или самые элементарные нормы человеческого общения. Плеханов совсем не походил на «нигилистов»: он одевался аккуратно, хотя и без франтовства (кроме личных вкусов, здесь сказывалось и отсутствие свободных денег). Никаких темных очков, пледов внакидку, двусмысленных словечек... У него были каштановые, закинутые назад мягкими прядями волосы, небольшая бородка, смуглая, матовая кожа. Обращали на себя внимание высокий лоб, густые брови, умные, с холодноватым блеском чуть монгольские темно-карие глаза, длинные девичьи ресницы. Не очень высокий, но стройный, подтянутый, широкий в плечах и весь какой-то упругий (здесь, несомненно, сказывалась его военная выучка), Георгий имел весьма привлекательную и оригинальную внешность и не мог не нравиться женщинам.

Не по годам серьезный и сосредоточенный, Плеханов, в отличие от большинства сверстников, не спешил бросаться в водоворот столичной жизни. Главным для него были учебные занятия и чтение. Впрочем, он не был и «букой»-нелюдимом, отличался остроумием, а порой напевал модную в то время мелодию из оперы Обера «Фра-Дьяволо»: «Милые женщины, все вы изменчивы» или что-нибудь из «Прекрасной Елены» Оффенбаха.

На первом курсе Плеханов учился очень хорошо. Об этом свидетельствовали и результаты экзаменов, которые он сдавал весной 1875 г. Средний экзаменационный балл по 10 предметам составлял 4,6 по 5-балльной системе: высшая математика — 4,5; ботаника и неорганическая химия — 5 и т.д. Профессор химии Меншуткин, принимавший у Георгия экзамен, был просто поражен глубокими знаниями студента-первокурсника, явно выходившими за рамки институтской программы. Не давалось Плеханову только черчение — здесь у него была неизменно скромная тройка[2].

В конце мая 1875 г., преодолев естественную в таких случаях неловкость, усугублявшуюся гордым и независимым характером, Георгий Плеханов обратился к директору Горного института с просьбой о назначении ему казенной стипендии. Вскоре было представлено и требовавшееся для этого «Свидетельство о бедности», выданное его матери, Марии Федоровне Плехановой, Липецким уездным предводителем дворянства. В итоге ходатайство студента-первокурсника было удовлетворено, и ему назначили Екатерининскую стипендию[1].

[1] См.: Дейч Л.Г. Молодость Г.В.Плеханова//Былое. 1918. № 13. С. 125; Аптекман О.В. Г.В.Плеханов. Л., 1924. С. 10.

[2] См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 9. Л. 3; Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1926. Сб. 4. С. 408; Дейч Л.Г. Г.В.Плеханов. Материалы для биографии. Вып. I. М., 1922. С. 9.

Летом 1875 г. Плеханов приехал на каникулы в Липецк, где жила тогда мать с младшими детьми. Раскинувшийся на холмах городок весь утопал в зелени, в окрестностях было много чудесных хвойных лесов, сочных лугов, прудов и озер. Все располагало к беззаботному отдыху, дальним прогулкам, тихим, неторопливым беседам...

На втором курсе, несколько улучшив свое материальное положение, Плеханов вместе с несколькими другими студентами[2] снял трехкомнатную квартиру на Кронверкском проспекте, где нашлось даже место для небольшой, но хорошо оснащенной химической лаборатории. Однако теперь Георгий все чаще отвлекался от занятий. К его товарищу-медику А.И.Успенскому заходили знакомые, связанные с народническими кружками, просили Георгия выполнить то или иное поручение, втягивали его в разговоры на политические темы.

К этому периоду относится и первая встреча Плеханова с Пинхусом (Павлом) Аксельродом, ставшим впоследствии одним из самых близких его друзей. Аксельрод был на шесть лет старше Георгия. Он рос в семье бедного еврея-корчмаря на Черниговщине, окончил гимназию в Могилеве, затем поступил в Нежинский лицей. Однако вскоре юноша забросил занятия и увлекся революционной работой. В 1872 г. Аксельрод уже руководил нелегальным кружком киевских ремесленников, а после его разгрома полицией нелегально уехал сначала в Берлин, а оттуда в Женеву, где познакомился с русскими эмигрантами-бакунистами. По поручению последних он и приехал в Петербург. Однажды Аксельрода устроили на ночевку в квартире какого-то студента Горного института. «Юноша произвел на меня приятное впечатление, — вспоминал позже Аксельрод. — Говорил он хорошо, деловито, просто и вместе с тем весьма литературно. Чувствовалась в нем большая любознательность, привычка читать, думать, работать. Этот студент был Георгий Плеханов. Он мечтал в это время окончить Горный институт и поехать за границу усовершенствоваться в химии. Мне этот план не понравился. «Это роскошь, — говорил я молодому человеку. — Если вы будете так долго совершенствоваться в химии, когда же начнете работать для революции?»[3]

[1] Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1925. Сб. 3. С. 314—315.

[2] Среди них были будущая первая жена Плеханова Наталья Смирнова и ее друг, студент Гриценко, которого вскоре арестовали.

[3] См.: Аксельрод П.Б. Из пережитого и передуманного. Берлин, 1923. С. 156—157.

Очевидно, эти слова нового знакомого запали в душу Плеханова, который и сам все чаще задумывался над тем, как помочь народу. Реформаторская политика Александра II все больше заходила в тупик. Безжалостное подавление польского восстания 1863 г., ссылка Н.Г.Чернышевского, нежелание правительства пойти навстречу студентам, требовавшим узаконить их корпоративные права, цензурные ограничения в отношении либерально-демократической печати — все это говорило о том, что рассчитывать в ближайшее время на продолжение реформ не приходится. Ни конституции, ни парламента Россия от Александра II так и не получила. А после неудачного покушения Дмитрия Каракозова на царя (1866 г.) тенденция к усилению реакции стала совершенно очевидной. Возникал некий порочный круг: Александр II жаловался на неблагодарность народа и на срывающих реформы революционеров, а те мстили ему за нерешительность и половинчатость, усиление полицейских репрессий, за то разочарование, которое они испытали после отмены крепостного права и последовавших за этим событий.

Петербургское студенчество в те годы буквально бурлило. Весной 1873 г. началось «хождение в народ» — массовый поход радикально настроенной молодежи в деревню, достигший наибольшего размаха в следующем, 1874 г. Импульс этому достаточно широкому по тем временам движению (за участие в нем было арестовано свыше 4 тыс. чел.) дали идеи наиболее популярных тогда в России революционеров-демократов — Петра Лавровича Лаврова и Михаила Александровича Бакунина, ставших основоположниками двух самостоятельных направлений революционной социалистической мысли — лавризма и бакунизма.

Лавров призывал демократическую интеллигенцию отдать свой вековой долг народу, на средства которого она получила образование и доступ к высшим достижениям человеческой культуры. Эта идея была изложена им еще в самом конце 60-х годов в получивших большую известность «Исторических письмах», мимо которых не мог пройти ни один мало-мальски прогрессивно настроенный человек той эпохи. Пассивность народных масс остро ставила вопрос о том, что России обязательно нужны герои, способные пробудить общество от спячки и поднять на борьбу с самодержавием своим личным примером, а может быть, и ценой собственной жизни. «Нужны, — писал Лавров, — энергичные, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем. Нужны мученики, легенда которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их действительную заслугу... Они станут недосягаемым, невозможным идеалом перед толпою. Но зато их легенда воодушевит тысячи тою энергиею, которая нужна для борьбы. Число гибнущих тут не важно»[1]. Сплотить, организовать и политически просветить всех

[1] Лавров П.Л. Исторические письма. СПб., 1906. С. 140—141.

недовольных существующим порядком, по мнению Лаврова, должна была достаточно массовая революционная партия, ядром которой могла бы стать радикальная интеллигенция.

Бакунин видел смысл предстоящей социальной революции в разрушении любых форм государства и замене последнего союзом свободных общин, построенных на принципах равенства и братства. В отличие от Лаврова, подчеркивавшего необходимость длительной и терпеливой пропагандистской работы революционеров, Бакунин был убежден, что народ сам знает, в чем он нуждается, потенциально всегда готов к бунту и ждет от революционной интеллигенции лишь сигнала к началу борьбы. Схема будущей крестьянской революции выглядела у Бакунина предельно просто: стоит только наладить живую бунтовскую связь между разъединенными пока крестьянскими общинами и слить разрозненные мужицкие восстания в общую народную революцию, как идея анархического, безгосударственного социализма будет воплощена в жизнь[1]. Особое значение при этом Бакунин придавал организации молодых людей, всецело посвятивших жизнь делу революции.

Развивая идеи Герцена, Лавров и Бакунин внушали молодежи мысль о том, что сохранение крестьянской общины поможет России избежать пролетаризации, безработицы, нищеты и позволит сразу шагнуть к социализму, минуя капитализм. И хотя жизнь довольно скоро обнаружила всю хрупкость и утопичность подобных надежд, идея бескорыстного служения интеллигенции народу надолго пленила воображение самой лучшей, нравственно чистой части российского студенчества.

Можно предположить, что, если бы Плеханов поступил в Горный институт на пару лет раньше, он уже в 1874 г. ушел бы в деревню. Ведь позже Георгий Валентинович писал о своих студенческих годах: «Как и все студенты-революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбцем и собирался идти в «народ», понятие о котором было у меня, однако, — опять-таки как и у всех студентов-революционеров того времени, — очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне»[2]. Характерно, что даже во второй половине 70-х годов, когда «хождение в народ» захлебнулось и народники столкнулись с апатией, темнотой и непониманием социалистических идеалов со стороны крестьян, Плеханов тем не менее рвался в деревню и дважды пытался осуществить эту свою мечту на практике. Однако судьбе угодно было распорядиться иначе: он подошел к роковой черте, отделяющей верноподданного от революционера, тогда, когда пик «хождения в народ»

[1] См.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века. М., 1964. Т. 1. С. 38—55.

[2] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 128.

уже миновал и наступило время более спокойно подумать о тактике движения, его задачах и наиболее эффективных методах достижения поставленной цели.

Стоит сказать и о том, что Лавров и Бакунин были далеко не единственными властителями дум студенческой молодежи 70-х годов прошлого века. Если А.И.Герцен уже казался тогда многим человеком вчерашнего дня, то обаяние идей Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева было в то время еще очень велико. Все громче звучал в публицистике и голос Н.К.Михайловского, который, хотя и с большими колебаниями, постепенно склонялся к мысли о возможности достижения народнических идеалов мирным, просветительским путем. С резкой критикой Бакунина и Лаврова выступил П.Н.Ткачев, предлагавший форсировать революцию путем организации заговора с целью захвата государственной власти небольшой группой смелых и инициативных подпольщиков.

Вряд ли нужно говорить здесь подробно об идеях Сергея Нечаева, поддерживавшего тесную связь с находившимся в эмиграции Бакуниным, хотя последний и не разделял многие его взгляды. Отметим лишь, что, несмотря на явный авантюризм и глубокую аморальность, Нечаев тоже находил в России последователей и нечаевщина не может быть автоматически исключена из идеологической панорамы 70-х годов. При этом следует подчеркнуть, что в России не было тогда чисто бакунистских, чисто лавристских или чисто ткачевских организаций, а преобладали те или иные комбинации из идей указанных выше мыслителей, что можно проследить и на примере Плеханова, который готов был и «бунтовать» народ в духе Бакунина, и заниматься пропагандой и просветительством среди рабочих в духе Лаврова.

Наконец, нельзя не сказать и о проникновении в нашу страну идей марксизма. Еще в 40-х годах XIX в. В.Г.Белинский, А.И.Герцен и члены кружка М.В.Петрашевского познакомились с некоторыми работами Маркса и Энгельса. Тогда же в Париже состоялось личное знакомство Маркса с Бакуниным и русскими публицистами Павлом Анненковым и Николаем Сазоновым. В России появились единичные экземпляры работ К.Маркса «Нищета философии» и «К критике политической экономии», «Положение рабочего класса в Англии» Ф.Энгельса, русский перевод устава Международного товарищества рабочих — I Интернационала. В 1870 г. группа эмигрантов из России основала в Женеве русскую секцию Интернационала и попросила Маркса представлять ее в Генеральном совете этой международной организации. В Швейцарии были изданы переводы на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» и «Гражданской войны во Франции». Наконец, в 1872 г. в самой России был опубликован на русском языке в переводе Н.Ф.Даниельсона первый том «Капитала», изучавшийся в ряде народнических кружков.

В определенной мере марксистские идеи оказали влияние и на формирование философско-исторических взглядов Бакунина и Ткачева, которые заявляли о своей приверженности историческому материализму, но трактовали его очень узко — в основном как «экономический материализм». С огромным уважением относился к Марксу и Энгельсу и П.Л.Лавров, который читал многие их труды, переписывался и даже лично общался с ними, хотя безоговорочным сторонником марксизма так и не стал, искренне пытаясь соединить его с народнической доктриной.

Маркс и Энгельс поддерживали связи не только с рядом русских революционеров, но и с такими выдающимися русскими учеными, как социолог М.М.Ковалевский, историк Н.И.Кареев, экономисты Н.И.Зибер и Н.А.Каблуков. Зибер, например, был последователем марксовой теории стоимости и капитала и достаточно корректно излагал основные положения экономического и философского учения Маркса. Он защищал «Капитал» от нападок со стороны русской консервативной прессы и некоторых либеральных публицистов, пропагандировал в России марксистскую диалектику.

Характерно, что уже в 70-е годы представители нарождающегося российского либерализма использовали вывод Маркса о закономерности победы капиталистического способа производства над феодальным для обоснования экономических притязаний молодой русской буржуазии, тогда как народники, наоборот, использовали ссылки на Маркса для доказательства возможности некапиталистического пути развития России. По словам известного русского революционера Г.А.Лопатина, в России нередко делали «смесь» из идей Прудона, Маркса и Дюринга[1]. Народнический публицист П.П.Червинский, выступавший в 70-х годах на страницах петербургской газеты «Неделя», откровенно признавался, например, что в своих теоретических построениях опирался на «экономическое учение немецкого еврея» (т.е. Маркса) и, в частности, на его тезис об экономических причинах смены общественных формаций. Однако Червинский был убежден, что у России всегда был и будет впредь свой, особый путь и поэтому пора прекратить смотреть на русскую жизнь «сквозь европейские очки», поскольку Россия, отставая от Запада по степени прогресса, *превосходила* его благодаря сохранению общины по *типу* социального развития[2].

Таким образом, перед молодым Плехановым, который стал проявлять самый живой интерес к вопросам общественной жизни, философии, социологии, истории, открылся достаточно широкий выбор. Он мог читать работы Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Лаврова, Михайловского. Среди эконо-

[1] См.: К.Маркс, Ф.Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 346.

[2] См.: Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX — XX веков. М., 1995. С. 27.

мистов его внимание не могли не привлечь А.Смит, Д.С.Милль (с комментариями Н.Г.Чернышевского), книги В.В.Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук», статьи Н.И.Зибера. Читал, наверное, студент Плеханов и модного в то время философа-позитивиста О.Конта. Конечно, нам трудно сегодня с полной достоверностью очертить круг плехановского чтения студенческой поры. В какой-то степени это помогают сделать воспоминания Л.Г.Дейча[1], хотя и здесь возможны отдельные временные смещения и недостаточно точные, приблизительные сведения. Ясно одно: читал Плеханов в то время много и целенаправлено, хотя его, несомненно, сдерживало еще незнание немецкого и английского языков (французским он владел достаточно свободно), а также отсутствие многих книг в Публичной библиотеке или те ограничения, которые и в то время существовали в пользовании сочинениями «предосудительного содержания». Несмотря на то, что по темпераменту и складу характера Плеханова идеи Бакунина были ему в середине 70-х годов гораздо ближе, чем лавризм, можно с полным основанием сказать, что готовился он к будущей революционной деятельности наредкость основательно, намного обогнав в этом отношении тех своих товарищей-студентов, которые тоже стали революционерами.

Трудно переоценить и ту роль, которую сыграли в повороте Плеханова к революции его первые контакты с наиболее развитыми и политизированными петербургскими рабочими, заставившие юного студента совершенно иными глазами посмотреть на класс пролетариев. Где-то в конце 1875 г. Георгий познакомился с рабочим-металлистом С.Митрофановым, который произвел на него поистине неизгладимое впечатление. Митрофанов был на 18 лет старше Плеханова. Сын крепостного крестьянина, он с 14 лет работал на столичных заводах, был начитан, держался очень независимо, отличался критическим образом мыслей. Митрофанов знал сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова и даже считал редактировавшиеся последним журнал и газету «Вперед» недостаточно революционными. Митрофанов участвовал в разных рабочих кружках, увлекался идеей создания пролетарских производственных ассоциаций и организовал в 1872 г. слесарную артель, ставшую одновременно нелегальной общеобразовательной школой, занятия в которой вели знакомые студенты. Характерно, однако, что сам Митрофанов относился к основной массе рабочих достаточно скептически, считая настоящим народом только крестьянство с его прочными моральными устоями.

Когда в начале 1876 г. понадобилась квартира для рабочей сходки, революционеры обратились к Плеханову, и он, не раздумывая, согласился. Вечером в его комнате собрались 5—6 революционеров-интеллигентов и несколько рабочих. Хозяина поразило тогда, как жадно тянутся рабочие к знаниям. Запомнились горячие слова рабочего Патронного завода Волкова: «Каждого из вас, интеллигентов, в пяти школах учили, в семи водах мыли, а ведь иной рабочий не знает, как отворяется дверь школы! Вам не нужно больше учиться: вы и так много знаете, а рабочим без этого нельзя!». После жарких споров сошлись на том, что нужно вести и пропаганду, чтобы постепенно расширять кругозор рабочих и поднимать их культурный уровень, и агитацию, обращаясь к пролетарским массам в связи с их тяжелым экономическим положением и политическим бесправием. Разошлись далеко за полночь, как старые, добрые знакомые[1]. Позже, в начале 90-х годов, Плеханов подробно описал все это в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении», поныне сохраняющих значение как ценнейший исторический источник и своеобразная автобиография молодого студента-семидесятника, идущего в революцию.

[1] См.: Дейч Л.Г. Г.В.Плеханов. С. 25, 36.

От новых знакомых Георгия веяло душевным здоровьем, бодростью, бесстрашием. С ними можно было говорить так же просто, как со своим братом-студентом, а на тех, кто уже успел отсидеть в тюрьме, Плеханов даже смотрел снизу вверх. Поражало и многообразие их интересов: рабочий Городничий, например, трудившийся на Патронном заводе по 10—11 часов в сутки, интересовался политэкономией и химией, теорией Дарвина и социальными вопросами. Видя неподдельный интерес Георгия к «рабочему делу», бакунисты-бунтари приняли его в свои ряды, а занятия с рабочими стали отныне его революционной обязанностью. В марте 1876 г. Плеханов получил и первое боевое крещение: он был задержан, обыскан и допрошен в полиции, но за отсутствием каких бы то ни было улик отпущен на свободу.

Отношение народников к нарождавшемуся в России пролетариату и к так наз. «рабочему вопросу» было довольно своеобразным. Вот что писал об этом позже сам Плеханов: «Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны — мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные «поселения в народе». Но, идя к рабочим не то чтобы против воли, а, так сказать, *против теории*, мы, разумеется,

[1] См. Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 130—131.

не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей рабочего сословия*. Мы проповедовали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом...»[1]

Вспоминая о пропаганде народников в рабочих кружках, Плеханов особенно выделял занятия, которые вел Иван Фесенко. Это была по-своему замечательная личность: сын дьякона, он кончил духовную семинарию, потом Нежинский лицей, а в конце 1860-х годов перешел на юридический факультет Петербургского университета, но в 1873 г. бросил учебу и вместе с Д.Лизогубом уехал за границу. Через год Фесенко вернулся на родину и занялся пропагандой сначала среди сектантов, а потом среди рабочих. Он был знаком с Н.И.Зибером и идеями К.Маркса. Под его руководством в рабочих кружках Петербурга шло изучение первого тома «Капитала». Слушателем И.Ф.Фесенко был и Плеханов.

Но беседы эти продолжались лишь несколько месяцев. С отъездом Фесенко из Петербурга политэкономия была заброшена, и на первый план вышла историческая тематика (история крестьянства, бунты Разина, Булавина и Пугачева, деятельность I Интернационала). При этом в интерпретации народников-бакунистов Маркс и Энгельс оказывались злостными реакционерами, а Бакунин — героем[2].

Занятия с рабочими настолько захватили Плеханова, что весной 1876 г. экзамены за второй курс он провалил, был лишен стипендии и оставлен на второй год. Летом Георгий в последний раз побывал у матери в Липецке. Приезжала вместе с ним и Наталья Смирнова, о которой уже говорилось выше и в которую Георгий был страстно влюблен. Мария Федоровна заметила огромную перемену во взглядах старшего сына, умоляла его одуматься, но тот обезоружил ее своим ответом, сказав, что она сама пробудила в нем стремление к правде и справедливости.

По возвращении в Петербург Плеханов уже почти не посещал занятия, а 25 октября 1876 г. в церкви Медико-хирургической академии состоялся скромный обряд венчания бывшего юнкера Константиновского училища (именно так было записано в свидетельстве о браке) Георгия Плеханова с курсисткой-медичкой Натальей Смирновой. Это была первая большая и, увы, безответная любовь нашего героя. Его избранница была на четыре года старше Плеханова, тоже участвовала в народническом движении и относилась к Георгию несколько покровительственно. Ее сердце было давно отдано студенту-революционеру М.А.Гриценко, от которого Наталья ждала ребенка. Но он был арестован, и Смирнова с ужасом думала о том, что ждет ее незаконнорожденного сына или дочь, тем более что она сама была внебрачной дочерью орловского учителя А.С.Тарачкова и по собственному опыту знала, как относятся в обществе к бастардам. И когда благородный и без памяти влюбленный Плеханов предложил ей венчаться и вдобавок согласился признать будущего ребенка своим, Смирнова не устояла, хотя никакого серьезного чувства к жениху у нее не было. Родившаяся в январе 1877 г. дочь Смирновой стала Надеждой Георгиевной Плехановой[1].

Между тем в Петербурге назревало событие, которому суждено было круто изменить всю дальнейшую судьбу Плеханова. К концу 1876 г. вокруг бывшего студента Медико-хирургической академии 25-летнего Марка Натансона сложилось ядро новой революционной организации «Земля и воля», хотя окончательно оформилась она позже. Натансон был уже хорошо известен в революционных кругах своим открытым выступлением против Нечаева, участием в народническом кружке «чайковцев», трехлетней ссылкой и смелым побегом. Он соединял поразительную работоспособность с умением покорять людей и вести их за собой. Огромное значение Натансон придавал нравственной стороне революции, считая, что «пока у нас не будет великой книги об этике, мы не будем в состоянии осуществить социалистический строй»[2]. Ближайшими товарищами Марка Натансона по «Земле и воле» были Александр Михайлов, Осип Аптекман, Валерьян Осинский. Стал членом этой организации и Плеханов.

«Земля и воля» стояла на платформе бакунизма. Уже само название организации красноречиво говорило об основных ее требованиях: земля — крестьянам, воля — всему народу. В качестве основных методов революционной работы землевольцы избрали устройство постоянных поселений членов организации на Дону, в Поволжье и Поднепровье, установление связей с промышленными рабочими, пропаганду и агитацию в университетских центрах. Планировалось издание собственного печатного органа и распространение прокламаций, а также установление контактов с либерально настроенными слоями общества и враждебными правительству религиозными сектами. Характерно, что землевольцы постепенно на-

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 140—141.
[2] Там же. С. 142.

[1] Подробнее о судьбе Н.А.Смирновой и Н.Г.Плехановой см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201; см. также: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 33.
[2] Цит. по: Ляшенко Л.М. Революционные народники. М., 1989. С. 44.

чинали отходить от «классического» бакунизма (сам М.А.Бакунин умер за границей в 1876 г.). Так, провозгласив своим идеалом анархию и коллективизм, они вынуждены были признать, что путь к безгосударственному общественному устройству будет достаточно долгим и на первых порах нужно стремиться лишь к максимальному ограничению власти будущего революционного правительства. Признавалось также, что время начала народного восстания будет определяться не желанием революционеров, а степенью готовности к нему самого народа и объективными обстоятельствами.

В последние месяцы 1876 г. деятельность революционеров-народников среди петербургских рабочих приняла уже довольно широкие размеры. Рабочие кружки возникли за Невской и Московской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонах, в ряде других районов столицы и в ее пригородах. Рабочим страшно хотелось открыто заявить о себе перед лицом всего народа, и они предложили народникам устроить на площади у Казанского собора, т.е. в самом центре Петербурга, на Невском проспекте, политическую демонстрацию. Эта идея получила одобрение. Предполагалось собрать у собора как можно больше фабричных рабочих, прослушать революционную речь, а затем поднять над толпой красное знамя как символ борьбы и грядущей народной революции. При этом все прекрасно понимали, что дело вряд ли обойдется без столкновения с полицией и получит, таким образом, широкий общественный резонанс.

Плеханов, который считался в «Земле и воле» одним из главных специалистов по рабочему вопросу, принял живейшее участие в подготовке демонстрации и стал настоящим ее героем: ведь именно на долю двадцатилетнего студента Горного института, известного пока лишь очень узкому кругу ближайших товарищей и рабочих, выпала честь выступить 6 декабря 1876 г. с речью перед собравшимися у Казанского собора 200—250 рабочими и численно преобладавшей на демонстрации учащейся молодежью, причем речь эта, по всеобщему признанию, оказалась очень удачной.

Ее текст дошел до нас в изложении автора рукописной прокламации «Демонстрация на Казанской площади» и в виде публикации на страницах заграничного революционного журнала «Вперед», редактором которого был Лавров. Плеханов говорил на демонстрации о Н.Г.Чернышевском (на 6 декабря приходился Николин день, и участники демонстрации сначала заказали в соборе молебен за здравие раба Божьего Николая, имея в виду Чернышевского), его революционных идеях, упомянул о декабристах, петрашевцах и других революционерах, пострадавших за народное дело, вспомнил о Разине, Пугачеве и крестьянине Антоне Петрове, расстрелянном во время крестьянского восстания в селе Бездна в апреле 1861 г. «Мы собрались, чтобы заявить здесь перед всем Петербургом, перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя, на нем написано: земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно. Да здравствует земля и воля!»[1]

В этот момент над демонстрантами взметнулось красное знамя. Его держал в руках 16-летний рабочий текстильной фабрики Торнтона Яков Потапов, которого товарищи подбрасывали вверх, чтобы всем собравшимся на площади было видно знамя. Речь Плеханова и появление красного знамени с выложенной на нем белой тесьмой надписью «Земля и воля» были встречены рукоплесканиями и криками: «Да здравствует земля и воля!», «Да здравствует народ, смерть царям!». Полицейские и жандармы попытались схватить оратора, но рабочие окружили его плотным кольцом. Началась свалка. Рабочий Митрофанов сдернул с Плеханова шапку, надел на него фуражку и закутал башлыком. Это не позволило полицейским и жандармам опознать Георгия, и он смог благополучно выбраться с Казанской площади.

А там уже началось настоящее побоище. На место беспорядков примчался сам градоначальник Трепов, распорядившийся хватать как можно больше народа. Городовые, передавая друг другу этот приказ, кричали: «Хватайте кого попало! Лови в очках и пледах!» Они избивали первых попавшихся под руку, тащили женщин за волосы, те отчаянно защищались, не уступая мужчинам. Всего полицией было задержано больше 30 человек, в том числе и Яков Потапов. В участке задержанные — и мужчины, и женщины — вновь были подвергнуты избиению и издевательствам. О случившемся доложили самому царю, который распорядился судить арестованных за бунт против верховной власти. Пятеро обвиняемых были осуждены на каторжные работы сроком от 10 до 15 лет, другие приговорены к заточению в крепости, третьи — отправлены в ссылку в Тобольскую губернию.

Что касается «оратора» (так стали называть Плеханова после Казанской демонстрации), то товарищи решили в начале 1877 г. нелегально переправить его на время за границу, чтобы сбить со следа полицию, настойчиво разыскивавшую молодого революционера. Вслед за мужем выехала и Н.А.Смирнова, оставив в Петербурге недавно родившуюся дочь[2]. Так совершенно неожиданно у супругов Плехановых получилось незапланированное свадебное путешествие, во время которого они побывали в Швейцарии, Германии и Париже.

[1] Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 418.

[2] Об этом известно из воспоминаний Л.Г.Дейча и румынского революционера З.Арборе-Ралли, который пишет, что Плеханов и его жена участвовали в революционной демонстрации в Берне (см.: Гросул В.Я. Невыясненный эпизод из биографии Г.В.Плеханова // Кодры. 1971. № 12. С. 136).

2000-863/12

Немецкое рабочее движение не произвело на молодого бакуниста-бунтаря сильного впечатления. Незнание немецкого языка, а также явное предубеждение против слишком умеренных и «законопослушных» немецких социалистов привели к тому, что почти все время в Берлине Плеханов провел в обществе русских студентов и членов крестьянской артели, приехавшей на заработки в Германию. В Париже Георгию повезло гораздо больше: здесь он часто виделся с Лавровым, познакомился с его богатейшей библиотекой. Однако уже летом 1877 г. Плеханов с помощью контрабандистов вновь тайно пересек русскую границу и вернулся на родину.

* * *

После возвращения в Россию Георгий Плеханов перешел на положение революционера-подпольщика. Летом 1877 г. окончательно оборвались и его связи с Горным институтом. 27 июня там был подписан документ, в котором говорилось, что он уволен из института «по малоуспешности. Поведения был очень хорошего». Вероятно, директор института генерал Кошкаров хотел таким образом снять с себя ответственность за оказавшегося политически неблагонадежным студента и представить его просто неуспевающим и ленивым молодым человеком. Интересно отметить, что когда летом 1918 г., уже после смерти Георгия Валентиновича, его бывший секретарь обратился в Горный институт за разрешением просмотреть архивные материалы, касающиеся пребывания Плеханова в стенах института, то ему была выдана копия приведенного выше свидетельства, в которой слово «малоуспешность» было зачеркнуто, а вместо него вписано: «За непосещение лекций»[1].

Поскольку в столице Плеханова разыскивала полиция, он решил отправиться в провинцию, остановив свой выбор на Поволжье, где у крестьян, как казалось народникам, еще живы были воспоминания о Разине и Пугачеве. Первоначально он рассчитывал устроиться сельским учителем в Саратовской губернии.

Георгий приехал в Саратов с совершенно «чистым» чужим паспортом, но надо же было случиться, что, ожидая приема в канцелярии губернатора, он совершенно неожиданно встретил священника, знавшего в прошлом настоящего владельца документа, за которого выдавал себя Плеханов. Лишь огромное самообладание и находчивость помогли ему избежать разоблачения и кое-как ответить на самые разнообразные вопросы любопытного собеседника о «родителях», «родственниках» и т.п.

[1] Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 315. В дальнейшем выяснилось, что уже в конце сентября 1876 г. Плеханов был исключен из института за невнесение платы за обучение. Тем не менее его фамилия была включена в экзаменационные списки студентов весной 1877 г., но на экзамены он не явился (см.: там же. Сб. 4. С. 409).

Отказавшись от планов поездки в деревню, Плеханов несколько месяцев провел в самом Саратове, где начал вести пропаганду среди местных рабочих. Здесь его вторично арестовали, но Георгию снова повезло, поскольку обыск не дал никаких результатов. Тем не менее Плеханов решил не испытывать дальше судьбу, тем более что тихий провинциальный Саратов не давал большого простора для пропагандистской работы.

Вернувшись в столицу, он узнал от жены, что скоро у них будет ребенок. Георгий был счастлив, хотя и понимал, что это событие еще более осложнит его бездомную, бродячую жизнь революционера-нелегала, живущего по существу только сегодняшним днем. Сына назвали Николаем — видимо, в честь Чернышевского. Плеханов предложил отправить его в Липецк, к бабушке Марии Федоровне, но жена категорически отказалась это сделать. Вскоре маленький Николенька заболел и умер. Трагическая ситуация еще более обострилась после того, как на горизонте опять появился бывший возлюбленный Натальи Александровны. Старая любовь вспыхнула с новой силой, и Георгий оказался в положении третьего лишнего. Смерть ребенка, обида на ушедшую от него жену[1], постоянные скитания, нужда — все это словно нарочно соединилось вместе, чтобы испытать Плеханова на человеческую и мужскую прочность. Он выдержал все, но в сердце надолго осталась глубокая, незаживающая рана.

В самом конце декабря 1877 г. состоялось второе публичное выступление Плеханова — на этот раз на похоронах поэта Н.А.Некрасова. Его глубоко гражданственная, проникнутая любовью к народу поэзия была очень близка и Плеханову, и всем землевольцам. Поэтому, когда в организации возникла идея принять участие в прощании с покойным поэтом, возложить венок на его гроб и поручить одному из революционеров произнести у могилы краткую речь, Георгий одобрил этот план и согласился выступить на петербургском Новодевичьем кладбище. Вместе с другими участниками траурной процессии он пешком прошел весь путь от дома Некрасова до кладбища. Был холодный ветреный день, и все изрядно промерзли. После церемонии церковного отпевания начались речи. Одним из выступавших был Ф.М.Достоевский. Когда он сказал, что Некрасов должен стоять в истории русской литературы прямо

[1] Когда падчерица Плеханова Надежда встретилась с ним в 1906 г. в Женеве, он сказал, что ее мать ушла от него сама (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201. Л. 13). Наталья Александровна до самой своей смерти в 1922 г. носила фамилию Плеханова и дала ему развод только в 1908 г. От революционного движения Н.А.Плеханова отошла.

вслед за Пушкиным и Лермонтовым, из толпы послышались крики: «Он был выше их». Затем слово попросил неизвестный молодой человек. Это был Плеханов.

Много лет спустя, за несколько месяцев до смерти, Георгий Валентинович написал воспоминания об этом своем выступлении. «...Я начал свою речь замечанием, что Некрасов не ограничился воспеванием ножек Терпсихоры, а ввел в свою поэзию гражданские мотивы, — писал он. — Намек был совершенно ясен. Я, в свою очередь, имел в виду Пушкина. И само собой разумеется, что я был кругом неправ перед ним... Но таково было наше тогдашнее настроение. Все мы в большей или меньшей мере разделяли взгляд Писарева, который «разнес» нашего великого поэта... Я потому здесь привел это место своей речи, что мне захотелось покаяться: лучше поздно, чем никогда»[1].

Но чувство вины, о котором писал в 1917 г. Плеханов, пришло к нему много позже. А пока автор «Размышлений у парадного подъезда» и «Железной дороги» действительно стоял для него выше Пушкина. Речь молодого революционера прозвучала искренне, смело, в ней были и скорбь утраты, и гнев на тех, кто преследовал поэта и отравлял ему жизнь, и вера в то, что народ, за который болело сердце Некрасова, обретет, наконец, желанную свободу.

Пока Плеханов говорил, его окружало плотное кольцо вооруженных товарищей, готовых в любую минуту защитить оратора. Как и год назад у Казанского собора, городовые пытались задержать Плеханова, но он быстро затерялся в толпе, снова ускользнув от стражей порядка.

После возвращения из Саратова получили дальнейшее развитие и контакты Плеханова с петербургскими пролетариями. На рубеже 70—80-х годов XIX в. в столице было около 150 тыс. рабочих, на долю которых приходилась уже почти шестая часть населения города. В Петербурге преобладали чугунолитейные, машиностроительные и военные заводы, а также текстильные фабрики. Среди них было немало крупных предприятий, где от зари до зари трудились тысячи рабочих. Положение их было несколько лучше, чем в других городах страны, но и в Петербурге условия труда и быта рабочего человека стабильно оставались очень тяжелыми. Достаточно сказать, что рабочий день продолжался здесь в среднем от 10 до 13, а на текстильных фабриках — от 13 до 15 часов. Рабочих буквально душили штрафы. В конце 70-х годов под влиянием экономического кризиса и депрессии свыше 20 тыс. петербургских рабочих потеряли работу. Ситуация усугублялась их полным политическим бесправием.

Но терпение рабочих не было беспредельным. С 1870 по 1880 г. в Петербурге и его пригородах произошло около 90 стачек, что

[1] Плеханов Г.В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 208—209.

составляло примерно четверть всех забастовок и волнений в России. Появился целый слой социально активных, грамотных рабочих, из которых вырастали пролетарские вожаки. По сравнению с крестьянством рабочие вели себя гораздо активнее, а неудача «хождения в народ» еще больше подогрела интерес революционеров к городскому пролетариату, жившему в больших городах довольно плотной, компактной массой и сравнительно легко поддававшемуся революционной пропаганде. Поэтому народники решили направить часть своих сил и средств на работу в пролетарских районах Петербурга, тем более что это не противоречило их доктрине, рассматривавшей рабочих как передовую часть крестьянства, на которое они возлагали все свои надежды.

Плеханов стал бывать теперь непосредственно на предприятиях, беседовал с рабочими и даже принимал участие в организации некоторых забастовок. 7 декабря 1877 г. на казенном Патронном заводе, расположенном на Васильевском острове, по вине начальства из-за несоблюдения элементарных правил хранения пороха произошел взрыв. Шестеро рабочих погибли, несколько человек было изувечено. Завод заволновался, и народники, у которых на Патронном был свой кружок, решили придать предстоящим похоронам погибших характер демонстрации. Первым шагом в этом направлении стал выпуск нелегальной прокламации, которую написал Плеханов.

Выступая год назад у Казанского собора, он впервые попробовал свои силы в качестве агитатора, который обращается уже не к нескольким членам революционного кружка, а к сотням рабочих. Дебют прошел удачно. Теперь предстояло решить не менее сложную задачу: нужно было найти очень простые, ясные и вместе с тем страстные слова, в которых звучали бы боль, гнев, призыв к борьбе. И Плеханов нашел их. В листовке разоблачались истинные виновники взрыва — заводская администрация, говорилось о том, что существующая система штрафов — это настоящий грабеж рабочих. Воззвание заканчивалось призывом: *«Рабочие!* Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого! Не дождетесь вы ее от начальства! Долго ждало помощи от него крестьянство и дождалось кочек да болот, да податей еще тяжелее, еще больше прежнего! Долго терпели и вы и дождались того, что вас жгут живьем и пускают по миру ваши семьи! *Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ*?!»[1]

Листовка была отпечатана и разбросана на территории Патронного и некоторых других заводов. В день похорон, 9 декабря 1877 г. хорошо вооруженная группа народников-бунтарей, в которой были Плеханов, Осинский и еще несколько революционеров, пришла к заводским воротам, где уже собралась большая толпа.

[1] Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 380—381.

Однако настроение рабочих, стоявших в каком-то горестном оцепении, исключало возможность проведения митинга. Жестокий мороз, как вспоминал потом Плеханов, еще больше охлаждал революционный порыв землевольцев. Кто-то даже сказал: «Нет, господа, революцию нужно делать летом, в этакий холод никого не расшевелишь». Вдобавок траурное шествие все время сопровождала полиция. И все же у свежих могил на Смоленском кладбище прозвучала короткая страстная речь, произнесенная одним из рабочих. А когда его попытались арестовать, взволнованная и как будто проснувшаяся толпа буквально отбила своего товарища у полиции.

В жизни трагическое часто соседствует с комическим. Когда уже после похорон толпа насела на околоточного (у него вырвали свисток и несколько раз сильно толкнули), полицейский стал кричать, что видел своих обидчиков в прошлом году на площади у Казанского собора. «Очень приятно встретиться со старым знакомым, — со смехом ответили революционеры, — надеемся, что это не в последний раз». Дружный отпор, данный рабочими Патронного завода полиции, сильно взбодрил как самих рабочих, так и народническую интеллигенцию. Как писал позже Плеханов в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении», события на Патронном заводе доказали, что «даже не затронутые пропагандой рабочие вполне способны к решительному и единодушному действию и в подходящую минуту не испугаются союза с «бунтовщиками Казанской площади», т.е. с революционерами. Нам нужно было только не упускать таких минут, чтобы обеспечить себе сочувствие рабочей массы»[1].

Благоприятный случай не замедлил представиться. В марте 1878 г. из-за снижения расценок забастовали рабочие-текстильщики с Новой бумагопрядильни на Обводном канале. По наивности они пытались обратиться за помощью к полиции и даже к наследнику престола, но к делу быстро подключились революционеры. Среди либерально настроенной интеллигенции и студенчества был организован сбор средств в фонд помощи семьям бастующих. Затем решили обратиться за поддержкой к рабочим соседних заводов, и Плеханов написал воззвание с призывом помочь в трудный час братьям по классу с Новой бумагопрядильни. Пока рабочие будут действовать врозь, до тех пор они останутся в кабале, говорилось в листовке. Вместе вы сила, а в одиночку вас обидит каждый городовой. «Ведь и вы не в раю живете, — продолжал автор прокламации, — и вам, может, придется считаться с хозяином... Так и помогай друг дружке, — на людях и смерть красна»[2].

Листовка была отпечатана в тайной типографии «Земли и воли» и доставлена на фабрику. В ходе стачки полиция задержала не-

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 158–161.

[2] Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. С. 382.

скольких рабочих и революционеров. Арестовали 7 марта 1878 г. — уже в третий раз! — и Плеханова. И снова ему повезло, т.к. никаких прямых улик против него не было. «Арест мой продолжался всего один день, — писал он в своих воспоминаниях. — В качестве «нелегального» я имел недурной паспорт и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то почетного гражданина. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде»[1]. Что касается рабочих, то после двухнедельной стачки они вынуждены были приступить к работе. Большую роль сыграли при этом и полицейские репрессии — аресты и обыски. И хотя революционеры, действовавшие в духе учения Бакунина, ничего не говорили рабочим о необходимости борьбы за политическую свободу, те же на собственном горьком опыте приходили к выводу, что власти и хозяева всегда заодно.

Опубликованная без подписи в газете «Новости» заметка Плеханова с информацией о ходе забастовки на Новой бумагопрядильне стала его первым выступлением в легальной печати. В народнических кругах он заслуженно пользовался теперь репутацией опытного специалиста по «рабочему делу», а сами рабочие любовно называли его «орлом». Георгий, несмотря на свою молодость, уже научился находить с ними общий язык, понимал их психологию, да и сам в соответствующей одежде легко мог сойти за мастерового. Однако отношение Плеханова к пролетариату еще вполне укладывалось в то время в традиционную народническую схему: рабочий — это фактически полукрестьянин, и важен он не сам по себе, а прежде всего как союзник главной революционной силы — крестьянства.

Огромное впечатление произвел на Плеханова рабочий Степан Халтурин, с которым он был знаком еще со времен событий на Патронном заводе в декабре 1877 г. Это был настоящий русский талант-самородок, человек редкой душевной красоты и обаяния, соединявший в себе качества блестящего организатора, пропагандиста и агитатора. Ровесник Плеханова, высокий, красивый, сильный, Степан своим внешним видом и манерами напоминал скорее образованного парижского увриера, чем русского мастерового. Вместе с тем было в нем что-то и от крестьянина нашей средней полосы, и от студента-разночинца. Получив образование в вятской земской школе, Халтурин совсем было собрался ехать «за счастьем» в Америку, но застрял в Петербурге и стал столяром. Он быстро свел знакомство с интеллигентами и студентами, начал читать серьезные книги и толстые журналы. Не по годам рассудительный и основательный в суждениях, Степан отличался какой-то особой душевной мягкостью, стеснительностью, всегда заботился о товарищах. В 1878 г. Халтурин стал одним из основателей «Северного союза русских рабочих», ставившего перед рабочими не толь-

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 168.

ко социальные, но и политические задачи — свержения самодержавия и завоевания демократических свобод. В глазах Плеханова Халтурин стал символом передового русского рабочего, олицетворением всего лучшего, что было в человеке труда.

Совсем другими красками нарисовал Плеханов в своих воспоминаниях образ еще одного рабочего вожака — Петра Моисеенко, ставшего позже руководителем знаменитой Морозовской стачки 1885 г. В конце 70-х годов, когда с ним познакомился Плеханов, Моисеенко был еще совсем молодым, 26-летним парнем. «Прекрасный малый, очень неглупый, деятельный и энергичный», как писал о нем потом Плеханов, Моисеенко (подпольная кличка Иван) «имел страстишку выставиться и порисоваться», что ставило его иногда в довольно смешное положение. Так, однажды Моисеенко вздумалось прочитать бастующим рабочим лекцию о прибавочной стоимости. Естественно, затея эта закончилась полным провалом, но Моисеенко унывал недолго и уже на следующий день устроил очередную «забаву» — боевой смотр забастовщиков, который сильно поднял настроение рабочих и явно пошел на пользу дела[1].

Между тем народническое движение набирало силу. Большой общественный резонанс получил закончившийся в январе 1878 г. так называемый процесс 193-х, по которому проходили участники «хождения в народ», арестованные еще в 1874 г. (И.Н.Мышкин, П.И.Войнаральский, Ф.В.Волховский, С.Ф.Ковалик, С.С.Синегуб, Д.М.Рогачев и др.). Как вспоминал Плеханов, в Петербургском университете, Медико-хирургической академии, Технологическом институте состоялись многолюдные сходки, на которых выступали члены «Земли и воли». Примерно в это же время, 24 января 1878 г. на всю Россию прогремел выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова, ставший ответом революционеров на его распоряжение о наказании розгами политического заключенного, землевольца Боголюбова. Ликованию прогрессивной русской общественности не было конца, когда суд присяжных 31 марта вынес Засулич оправдательный приговор и она прямо в зале суда была освобождена из-под стражи.

В связи с окончанием этого судебного процесса Плеханов написал по поручению руководителей «Земли и воли» обращение «К русскому обществу». Мы приглашаем учащуюся молодежь, говорилось в нем, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых политических прав, для защиты своих свободомыслящих сограждан от тюрьмы, русского народа — от поголовного разорения, русской науки и мысли — от жалкой и бесславной смерти под рукой цензора-палача[2]. Прокламация, напи-

[1] См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 162–163.

[2] Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. С. 384.

санная Плехановым, была отпечатана в апреле 1878 г. в нелегальной типографии землевольцев. Ее текст свидетельствовал о том, что гражданские мотивы начинали все громче звучать в агитационно-пропагандистской литературе русских революционеров, предвещая начало нового, «политического» этапа в развитии народнического движения.

Характерно, что в той же прокламации прозвучал призыв к единению всех противников самодержавного режима, будь то революционеры или либералы. И не случайно через 10 лет, набрасывая тезисы передовой статьи для сборника «Социал-демократ», который готовила к печати марксистская группа «Освобождение труда», Плеханов вспомнил об этой прокламации, предложив объединить усилия всех, кто готов идти под лозунгами «Долой абсолютизм! Да здравствует политическая свобода!»[1].

Кроме того, в нелегальной типографии «Земли и воли» было напечатано, по воспоминаниям Плеханова, множество других воззваний, в том числе написанное им обращение учащейся молодежи к министру юстиции графу К.И.Палену[2]. В нем приводились факты преследования людей за социалистические убеждения и сочувствие народу, плохого обращения с политическими заключенными. Студенты прямо ставили министру вопрос: признает ли он в отношении социалистов то, что называется неотъемлемыми правами личности, или русское правительство и впредь будет расправляться с ними так, как турецкие башибузуки с подвластными им болгарами[3].

По свидетельству О.В.Аптекмана, весной 1878 г. Плеханова привлекли и к редактированию окончательного варианта программы «Земли и воли». При этом он провалил два предложения Валериана Осинского, принятие которых имело бы далеко идущие для революционеров последствия: об экспроприациях на нужды революции и о допустимости «самозванства» при организации народных боевых дружин[4]. Дело в том, что в 1877 г. народник Яков Стефанович попытался создать в Чигиринском уезде Киевской губернии тайную дружину из крестьян, объявив им, что делает это якобы по поручению самого царя Александра II, и предъявив подложную «Высочайшую тайную грамоту» с призывом объединяться и готовиться к восстанию. Однако Чигиринский заговор был раскрыт, и все предприятие, основанное на монархических иллюзиях крестьянства и явной мистификации в духе Нечаева, рухнуло. Тем не менее многие революционеры находили саму идею Стефановича довольно удачной, против чего и восстал Плеханов.

[1] Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. I. С. 40.

[2] См.: Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 166.

[3] См.: Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. С. 381.

[4] См.: Аптекман О.В. Г.В.Плеханов. Л., 1924. С. 22.

Вместе с тем он по-прежнему мечтал о работе в деревне. Характеризуя настроение, царившее тогда в кругах революционной молодежи, Плеханов позже вспоминал: «Жажда деятельности и борьбы пробуждалась в самых мирных людях, и не было революционного предприятия, для исполнения которого не нашлось бы немедленно многих и многих охотников»[1]. Росли и ряды «Земли и воли». В нее вступили Сергей Кравчинский, Николай Морозов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Андрей Желябов и многие другие.

Летом 1878 г. Плеханов отправился на Дон. Здесь начались тогда волнения казаков в связи с введением земского самоуправления и ограничением свободного пользования лесами и рыбной ловли. Казаки отказывались от выборов земских гласных и уплаты земских сборов, прогоняли землемеров, посылали ходоков к наследнику престола с просьбой отменить земства и возвратить казачеству его традиционные права. Нашлись и горячие головы, готовые поднять казацкое восстание. Плеханову казалось, что активное вмешательство революционеров-землевольцев может стать той искрой, от которой вспыхнет весь Донской край, где хорошо помнили Разина, Булавина, Пугачева. Поэтому он решил составить текст обращения к казачеству от имени «Земли и воли», отпечатать его массовым тиражом в Петербурге и заодно получить там подкрепление для расширения масштабов революционной работы на Дону.

Был составлен текст воззвания «Славному войску казацкому — донскому, уральскому, кубанскому, терскому и пр. и пр.» Революционеры советовали казакам требовать от царя грамоты с подтверждением их древних прав, добиваться отмены земств, а в противном случае — отказываться от присяги на верность престолу и на силу отвечать силой. В заключительной части воззвания прямо ставился вопрос о том, что казаки опозорят себя, если не вернут прежних вольностей[2].

Однако в Петербурге Плеханова ожидали тревожные новости. «Земля и воля» была обескровлена арестами. Реальных сил для развертывания работы на Дону пока не было, а самому Плеханову предложили остаться в столице и сосредоточиться на восстановлении центральной землевольческой организации. Основная тяжесть этой опасной, сугубо конспиративной работы легла на плечи Александра Михайлова («Дворника») и Плеханова, которые особенно сблизились в этот трудный для «Земли и воли» период.

«Дворник» был всего на год старше Плеханова, но успел уже стать настоящим виртуозом подпольной работы. Все свои силы и время А.Д.Михайлов отдавал «Земле и воле» и чем-то напоминал Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?», так что Плеханову, при всех его спартанских привычках и огромной самодисциплине, пришлось признать явное превосходство товарища по части самоограничения и строгого пуританизма. Однажды на конспиративной квартире, где жили Михайлов и Плеханов, произошел комический случай. Квартирная хозяйка зашла к своим постояльцам, чтобы согласовать с ними обеденное меню. Михайлов, заикаясь, попросил приготовить, как всегда, «каши-и-цу, да пожи-и-же», а Плеханов вдруг выпалил: «А мне бифштекс». Совершенно потрясенный подобным «бунтом», Александр вынужден был растерянно пробормотать, что в таком случае он тоже съест, пожалуй, бифштекс. Долго потом вспоминали революционеры-подпольщики этот свой незапланированный «пир»[1].

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 166.

[2] См.: Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. С. 390.

Благодаря поистине самоотверженной работе Михайлова и Плеханова землевольцы сравнительно быстро оправились от понесенных потерь и уже в конце 1878 г. сумели наладить издание нелегального журнала «Земля и воля». Его редакторами стали Д.А.Клеменц, Н.А.Морозов и Г.В.Плеханов. Вскоре по настоянию Михайлова, который считал, что по заданию организации даже самый бесталанный революционер может написать не то что журнальную статью, но, если нужно, и стихи, Плеханов тоже взялся за перо.

16 декабря 1878 г. появился второй номер «Земли и воли» с корреспонденциями Плеханова «С Новой бумагопрядильни» и «Каменная станица» (о событиях на Дону, свидетелем которых ему пришлось стать летом того же года). В начале 1879 г. в третьем и четвертом номерах «Земли и воли» были опубликованы заметки Плеханова о стачках на петербургских предприятиях и окончание «Каменной станицы». Позднее он пояснил, что материалы о рабочем движении в столице были собраны им непосредственно на местах событий. Очевидно, Плеханов имел самое прямое отношение и к выпуску печатавшихся в тайной типографии «Земли и воли» прокламаций, в которых рабочие Новой бумагопрядильни и фабрики Шау просили своих товарищей с других столичных предприятий поддержать их справедливые требования. Характерно, что январская прокламация «От ткачей Новой бумагопрядильни» заканчивалась призывом: «Все за одного, один за всех»[2]. Так или иначе, контакты Плеханова с петербургскими рабочими в конце 1878 — начале 1879 гг. носили, по всей видимости, очень интенсивный характер, хотя сам Георгий Валентинович вспоминал о них довольно скупо.

Были случаи, когда рабочие сами обращались к Плеханову за помощью. Однажды, например, он получил конверт с надписью «Господину редактору» (имелся в виду его пост в редакции «Земли и воли»). В конверте были две четвертушки серой бумаги. Текст на

[1] См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 7. Л. 168–169.

[2] См.: Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении. Л., 1989. С. 223 (прим.).

одном из этих клочков гласил: «Господин редактор, пожалуйста, напечатайте наше воззвание и, если нужно, будьте так добры, поправьте». На другом было написано воззвание «Голос рабочего народа, работающего и страдающего у подлеца Максвеля». Плеханов вспоминал: «...Я хорошо помню общее впечатление, произведенное воззванием на меня и на моих товарищей по редакции. Мы положительно пришли в восторг. Столько свежего чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумелости и вместе с тем столько неотразимой убедительности было в этой далеко не грамотной прокламации, что мы сочли непозволительным делать в ней какие-нибудь существенные изменения и ограничились исправлением грамматических ошибок. Едва ли не на следующий же день воззвание было отпечатано и передано авторам»[1].

Но особенно удачной оказалась статья Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанная в январе-феврале 1879 г. в третьем и четвертом номерах «Земли и воли». Эта публикация сразу же выдвинула молодого автора в число ведущих теоретиков народничества, тем более что Бакунина в то время уже не было в живых, а Лавров жил в Париже. Надо сказать, что Плеханов сразу же заинтриговал будущих историков народнического движения и своих биографов самым почтительным отношением к теории Маркса, наводившим на мысль о начавшемся уже в то время переходе автора статьи «Закон экономического развития общества...» на позиции марксизма[2].

Однако сам Плеханов совершенно недвусмысленно предостерег своих будущих биографов от любых попыток упростить и сократить его путь к марксизму. По его собственным словам, на рубеже 70 — 80-х годов XIX в. он оставался еще народником «до конца ногтей»[3]. При этом Плеханов очень точно определил роль Бакунина как мыслителя, от которого он воспринял глубочайшее уважение к историко-материалистическим взглядам Маркса. «В народнический период моего развития, — писал он в 1905 г., — я, как и все наши народники, находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 179—182.

[2] См., например: Ваганян В.А. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. С. 31. Характерно, что один из крупнейших советских марксоведов 20—30-х годов Д.Б.Рязанов, руководивший изданием сочинений Г.В.Плеханова, также считал, что «подготовительный» период в деятельности Плеханова, когда он превратился из народника в марксиста, начался уже в 1878 г. (см.: Плеханов Г.В. Соч. М., 1923. Т. I. С. 6).

Совсем недавно американский историк С.Бэрон вновь повторил, что в статье «Закон экономического развития общества...» Плеханов заявил о необходимости «приспособить народническую программу к марксистской системе» (Отечественная история. 1995. № 5. С. 118).

[3] Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 125.

объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности»[1]. Плеханов признал открытую Марксом закономерность смены общественно-экономических формаций и решающую роль социально-экономических факторов в этом процессе. Однако марксизма как целостной социалистической доктрины он тогда еще не знал, Маркса ставил в один ряд с немецким экономистом Родбертусом и философом Дюрингом, а развитие России, как ему представлялось, шло совсем по другим законам, чем развитие стран Запада. «Пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, — писал Плеханов, — мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станциею на пути его прогресса»[2].

Заслуживает при этом внимания аргументация Плеханова, который внешне очень логично идет от Маркса к Бакунину. История не есть однообразный механический процесс, совершенно справедливо утверждает он, да и сам Маркс не принадлежит к числу людей, укладывающих человечество на прокрустово ложе «общих законов». Конечно, замечает Плеханов, общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и взаимодействуя между собой, они дают в различных общественных организмах совершенно не сходные между собой результаты. Поэтому Запад, о котором пишет Маркс, для России не указ, и основные усилия русских революционеров должны быть направлены на окончательное разрушение всякого государства и на то, чтобы дать крестьянину устраиваться «на всей своей воле», развивая коллективистские начала, заложенные в общине.

Плеханов ссылался в своей статье — правда, без указания точных адресов — на наличие отдельных общин, которые якобы уже перешли к совместной обработке полей. Но коренной перелом в этом направлении должен был произойти, по его мнению, уже после революции, когда появится возможность перехода к интенсивной агрокультуре и более современной сельскохозяйственной технике. Тогда все общины без колебаний выскажутся за коллективный труд и коллективное владение этой новой техникой. Таким образом, устранение самодержавия, по мнению Плеханова, должно будет привести в конечном счете к торжеству в России общинного социализма.

Вторая часть статьи «Закон экономического развития общества...» дает богатый материал для анализа взглядов молодого Плеханова на роль рабочего класса. Прежде всего обращает на себя

[1] Плеханов Г.В. Соч. М.-Пг., 1920. Т. I. С. VII—VIII.

[2] Там же. С. 59.

внимание та высокая оценка, которую он дает пролетарским слоям как революционной силе. «Не представляя западноевропейской оторванности от земледельческого класса, — писал Плеханов, — наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее воспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота»[1].

Совершенно очевидно, что Плеханов еще отнюдь не склонен менять здесь привычную народническую систему социальных приоритетов. Ведущая роль крестьянства в будущей российской революции для него не подлежит сомнению и является столь же аксиоматичной, как и великое предназначение крестьянской общины стать первичной ячейкой будущего социалистического строя. Значение же рабочего движения, по его мнению, состоит в том, что оно отвлекает силы правительства от борьбы с крестьянскими восстаниями и выдвигает из пролетарской среды революционных агитаторов, которые, подобно «воровским прелестникам» времен Разина и Пугачева, будут «бунтовать» крестьян.

Одновременно Плеханов высказал ряд важных соображений о методах революционной агитации на фабриках и заводах, о роли стачек в сплочении рабочих, а также о некоторых основных принципах работы подпольных пролетарских организаций. Отметим, что уже тогда он подчеркивал: западноевропейские образцы для России не годятся, ибо условия деятельности рабочих организаций в России и на Западе принципиально различны. При этом неизбежная ограниченность численного состава русских рабочих организаций должна, по мнению Плеханова, компенсироваться «исключительными способностями и преданностью делу со стороны лиц, посвященных в ее тайны...»[2]

В конце статьи «Закон экономического развития общества...» Плеханов ставил и тот вопрос, который особенно волновал весной 1879 г. членов «Земли и воли», — вопрос о революционном терроре. Когда за год до этого Вера Засулич, не справившись с чувством законного гнева на дикую выходку генерала Трепова[3], подняла на него револьвер, ни она сама, ни ее товарищи по революционной организации даже не предполагали, как быстро пойдет цепная реакция террористических актов и куда заведет народников их жестокая, но неумолимая логика. Однако уже в августе того же 1878 г. Сергей Кравчинский в самом центре Петербурга средь белого дня заколол кинжалом шефа жандармов Мезенцева. За период с весны

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. I. С. 69—70.

[2] Там же. С. 74.

[3] Он приказал высечь арестованного Боголюбова только за то, что при встрече с ним тот будто бы не снял шапку.

1878 до весны 1879 г. революционеры убили шефа одесских жандармов Гейкинга, харьковского генерал-губернатора Кропоткина, провокатора Рейнштейна, стреляли в киевского прокурора Котляревского и преемника Мезенцева, генерала Дрентельна. Наконец, весной 1879 г. в Петербург приехал Александр Соловьев, заявивший землевольцам, что решил убить Александра II.

Сейчас, когда мир буквально захлебывается от насилия, а цена отдельной человеческой жизни близка к нулю, все громче звучат голоса тех, кто принципиально осуждает любое посягательство на жизнь человека, а значит, и революционный террор. И, наверное, Плеханов еще больше вырос бы в глазах многих наших современников, если бы с первых же шагов своей революционной деятельности решительно осудил террор как средство борьбы за достижение высоких общечеловеческих идеалов. Однако в реальной жизни все было гораздо сложнее. Напомним, что революционная мораль того времени отнюдь не отрицала насилия, хотя и не возводила его в культ. Больше того, террор как акт отмщения и справедливого возмездия тиранам вполне укладывался в моральный кодекс революционера. К тому же генетический код Плехановых, давших России немало прекрасных воинов, решительный характер Георгия, приобретенные им в детстве и юности военные навыки никак не способствовали появлению у него толстовских настроений «непротивления злу насилием». От своих товарищей Плеханов отличался, может быть, только более прагматическим подходом ко всем этим вопросам, умением взвесить возможные последствия террористических актов для самих революционеров и для судьбы того дела и той организации, которым принадлежала их собственная жизнь.

По свидетельствам товарищей, Плеханов, как и другие революционеры, принял тогда решение не сдаваться без сопротивления полиции и учился владеть разными видами холодного и огнестрельного оружия. В агентурных полицейских донесениях о Плеханове, относящихся к концу 70-х годов, говорится, что он «всегда вооружен», а потому особенно опасен. Ложась спать, Георгий прятал под подушку револьвер, кастет и кинжал, а на одной из конспиративных квартир регулярно упражнялся в искусстве владения холодным оружием[1].

Поэтому не приходится удивляться тому, что в статье «Закон экономического развития общества...» Плеханов писал: ни один здравомыслящий человек не упрекнет рабочую революционную организацию, если она ответит царизму ударом на удар, отплатив за «белый», правительственный террор в отношении революционеров и за вековые издевательства власти над народом террором «крас-

[1] См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 204; Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 310—311.

ным», революционным. Однако для Плеханова не подлежало сомнению, что террористическая деятельность могла бы лишь дополнять в разумных пределах и в меру необходимости основную, агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу «Земли и воли» в народе. О превращении террора в самоцель, поглощающую все помыслы, физические силы и материальные средства революционной организации, при таком подходе не могло быть и речи. Однако весной 1879 г. часть землевольцев — и притом наиболее авторитетных, активных и опытных — стала склоняться именно к активизации террористической деятельности.

Несмотря на то, что результатом неудачного покушения Соловьева на жизнь царя 2 апреля 1879 г. стала казнь самого революционера и новая полоса правительственных репрессий (были повешены В.А.Осинский, Д.А.Лизогуб, И.М.Ковальский и другие, а также арестован ряд руководителей «Земли и воли»), Александр Михайлов и Андрей Желябов стали настаивать на том, чтобы продолжить «охоту на царя». В сложившейся обстановке, когда стало ясно, что народ не готов к немедленному восстанию и не откликнется на призывы народников, сама жизнь поставила вопрос о пересмотре старой народнической тактики. Ставка на крестьянство все больше обнаруживала в то время свою несостоятельность, причем его пассивность выглядела особенно удручающе на фоне непрерывно учащавшихся рабочих стачек, студенческих волнений, а также первых, пусть еще достаточно робких, но тем не менее реальных проявлений земской оппозиции. «Оставаться только зрителями этого движения, — говорил Михайлов, — значит признать свою полную ненужность для народа и неспособность дать ему что бы то ни было. При таком способе действий, мы, как партия, уничтожаемся, выходим в тираж»[1]. Исходя из этого, большинство землевольцев пришло к выводу о целесообразности временно свернуть работу в деревне и сосредоточиться на организаторской и агитационной деятельности среди рабочих, студентов, офицеров, а главное — на терроре.

Споры «политиков» во главе с Желябовым и Михайловым, считавших, что в сложившейся обстановке традиционное народническое воздержание от политической борьбы выглядело бы как простое ребячество, и «деревенщиков» — так стали называть Плеханова и его единомышленников, настаивавших на необходимости продолжать работу в деревне, — приобретали весной 1879 г. все более острый характер. Плеханов правильно предупреждал своих

[1] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 99. Подробнее см.: Твардовская В.А. Г.В.Плеханов и «Народная воля». К проблеме кризиса народнического мировоззрения // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. С. 78–83.

товарищей, что каждая новая террористическая акция будет стоить революционной организации все новых провалов и жертв. Даже в случае успеха террор приведет лишь к перемене отдельных лиц в правительстве или на троне, но не к смене политической системы, ибо он не в состоянии изменить соотношение общественных сил в стране. В спорах с «политиками» Георгий подчеркивал, что «Земле и воле» грозит вырождение в заговорщическую секту, доказывал, что «перевороты бывают гораздо более прочными, когда они идут снизу»[1]. Однако переубедить своих товарищей Плеханов не мог. Как вспоминал позже Осип Аптекман, это было время, когда некогда было вдумываться в теорию, явно отступавшую на второй план перед практикой, когда *«настроение* требовало немедленно ответа на «проклятые вопросы»[2]. Призыв к цареубийству звучал в этой обстановке как боевой клич, будораживший лучшую часть революционной молодежи, и заглушить его доводами разума было в тот момент невозможно.

Жизнь все больше разводила Георгия с товарищами по борьбе. Продолжения публикации его теоретических заметок — а оно планировалось в очередном, пятом номере «Земли и воли» — не последовало. Вместо статьи Плеханова в качестве передовицы была напечатана статья новой «звезды» народнической публицистики Льва Тихомирова, призывавшего разбить государственную машину самодержавия и заменить ее пусть не идеальным, но демократическим строем, обеспечивающим народу возможность дальнейшего, более свободного развития. Кроме того, наряду с «Землей и волей» стал выходить «Листок «Земли и воли»», редактором которого стал убежденный сторонник террора Н.А.Морозов.

В июне 1879 г. было решено провести съезд землевольцев, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Сначала в Липецке собрались отдельно «политики-террористы». Среди них были А.Д.Михайлов, А.И.Желябов, А.А.Квятковский, Н.А.Морозов, М.Ф.Фроленко. Михайлов произнес настоящую обвинительную речь против Александра II, упрекая его в обмане народа, политическом лицемерии, попрании свободы, зверском обращении со своими противниками. В итоге царю-освободителю был вынесен в Липецке смертный приговор.

Затем состоялся общий съезд «Земли и воли» в Воронеже, с которого Плеханов ушел в знак протеста против одобрения неправильной, как ему представлялось, тактики террора и предательства основных принципов революционного народничества. Это была одна из самых драматических страниц в жизни Плеханова, равно-

[1] Цит. по кн.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1983. С. 262.

[2] Цит. по: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 82.

значная по своим последствиям только его последующему разрыву с Лениным в конце 1903 г. Вероятно, летом 1879 г. раскол «Земли и воли» — по крайней мере еще на какое-то время — можно было предотвратить, но Плеханов решил идти до конца. С его стороны это был, несомненно, честный и мужественный поступок, свидетельствовавший о готовности отстаивать свои убеждения даже такой дорогой ценой, как раскол организации. Возможно, Плеханов рассчитывал, что его поступок охладит не в меру горячие головы «политиков», что они одумаются, позовут назад... Но товарищи промолчали. А последними словами Плеханова на Воронежском съезде были: «В таком случае, господа, мне здесь больше делать нечего». Он не хотел лицемерить, притворяться, интриговать против своих же друзей, устраивать у них за спиной какие-то фракции.

Из Воронежа Плеханов направился в Киев. Можно только догадываться, что творилось в то время у него в душе. В этот трудный, драматический момент даже ему — вечному насмешнику, рационалисту, гордецу — нужны были сочувствие, поддержка, утешение, женская ласка. Именно поэтому Георгий и приехал на берега Днепра, где находилась тогда его вторая жена Розалия Марковна Боград.

Роза Боград родилась в том же 1856 г., что и Плеханов, в мелкобуржуазной, как у нас принято было до недавнего времени говорить, еврейской семье на юге России. Ее отец был крестьянином, потом занялся торговлей, разбогател, стал арендовать землю. Аналогичный путь несколько позже прошел и отец Троцкого, Давид Бронштейн. Роза закончила гимназию и упросила отца отпустить ее в Петербург, где поступила на женские медицинские курсы. В 1876 г. она вошла в кружок, занимавшийся помощью политзаключенным и ссыльнопоселенцам. Тогда-то Роза Боград и услышала впервые о Плеханове, а затем встретила его однажды вместе с Натальей Смирновой.

В 1877 г. Роза уехала на лето фельдшерицей в одну из самарских деревень. Медицинскую практику Роза Боград сочетала с культурно-просветительской работой среди крестьян, в которой были также элементы социалистической революционной пропаганды. Вернувшись поздней осенью или зимой 1877 – 1878 г. в Петербург, она познакомилась с Плехановым, переживавшим в то время драму разрыва со своей первой женой. При этом по невероятному стечению обстоятельств познакомила Розу с Плехановым та самая курсистка-медичка Теофиллия Полляк, которая одно время была близкой подругой Н.Смирновой.

Теофиллия рассказала, что Плеханову живется очень трудно: он плохо одевается и питается, часто проводит ночи на улице, не рискуя даже присесть на скамейку, чтобы не обратить на себя внимание полиции. Георгий сам установил для себя минимум ежедневных расходов, не желая быть в тягость революционной организации. Все это не могло не вызывать симпатии, уважения и сочувствия. А когда Роза Боград впервые услышала полемику Плеханова с милыми ее сердцу лавристами, она была поражена его страстной, яркой речью, неотразимой логикой, глубокой убежденностью в правильности своих взглядов. Общие интересы сблизили молодых людей. Занятия с рабочими, обсуждение последних политических новостей, рассказы о Поволжье, где и Георгий, и Роза побывали в 1877 г., споры о преимуществах бакунизма и лавризма — вот тот фон, на котором зарождались их взаимная симпатия, а потом и любовь.

В то время шла русско-турецкая война, и Роза Боград уехала в 1878 г. в Румынию, где два месяца проработала в русском военном госпитале в маленьком городке Бузео. По возвращении в Петербург она вступила в организацию «Земля и воля» и весной 1879 г. стала женой Плеханова, хотя оформить свои супружеские отношения они не смогли (Н.А.Смирнова дала Плеханову развод только через тридцать лет).

Второй брак Плеханова оказался очень удачным и продолжался почти сорок лет, до самой смерти Георгия Валентиновича. Розалия Марковна не была красавицей, но зато Плеханов нашел в ней верную, любящую и безгранично преданную спутницу жизни, друга и товарища по революционной борьбе. Ее природный ум, спокойный, ровный и вместе с тем сильный характер, огромная энергия, житейская практичность, неизменный оптимизм, обширные медицинские познания во многом помогли Плеханову преодолеть все выпавшие на его долю испытания, тяжелую болезнь, долгие годы эмиграции.

В самом конце марта 1879 г. Николай Клеточников — член «Земли и воли», работавший по ее заданию в III Отделении и не раз предупреждавший революционеров о грозивших им арестах, сообщил Плеханову, что его выследили и вот-вот нагрянут на квартиру Розы Боград, где он тогда часто появлялся. Нужно было срочно уезжать из Петербурга, и Плеханов отправился сначала в Ростов, а потом в Воронеж. Что касается его жены, то она обосновалась на время в Киеве.

Приехав туда после Воронежского съезда землевольцев, Плеханов быстро наладил связи с киевским революционным подпольем, стал посещать местную библиотеку, много читал, обдумывал планы на будущее. В августе 1879 г. «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации — «Народную волю» (здесь объединились «политики») и «Черный передел». Так назвали свои кружки «деревенщики», решившие продолжать традиции «Земли и воли». Расстались по-товарищески: партийную кассу и оборудование типографии поделили поровну. В состав «Черного передела»

вошли такие известные землевольцы, как М.Р.Попов, Г.Н.Преображенский, вернувшиеся из-за границы В.И.Засулич, Л.Г.Дейч, Я.В.Стефанович, П.Б.Аксельрод, а также Н.В.Васильев, В.Н.Игнатов, Н.П.Щедрин, О.Е.Николаев и др. Идейным руководителем новой организации стал Плеханов. По вызову товарищей он срочно выехал в Петербург. Через некоторое время Р.М.Боград получила в Киеве письмо, где муж сообщал ей, что дело налаживается и он остается в столице. Вскоре туда выехала и она сама.

В Петербурге прежде всего встал вопрос о том, где жить. Полиция разыскивала Плеханова повсюду: в студенческих квартирах, в домах видных либералов и даже в салонах аристократических дам. Располагая довольно значительной информацией о революционной народнической организации, III Отделение тем не менее далеко не всегда разбиралось в оттенках революционных взглядов и тактических платформ и почему-то считало Плеханова инициатором террористических актов. В случае ареста ему грозила как минимум каторга. Поэтому он очень опасался, что жизнь на семейной квартире будет источником постоянной опасности для его жены, ради которой он готов был терпеть разлуку, скитания по конспиративным явкам, бытовую неустроенность, нужду. Роза, наоборот, считала, что если они будут жить вместе, то Плеханов больше времени сможет проводить дома и тем самым будет реже подвергаться опасности ареста. Кроме того, он будет лучше питаться и получит нормальные условия для работы и отдыха. В конце концов Роза одержала свою первую маленькую победу, и было решено попробовать прописаться вполне официально, использовав фальшивые паспорта.

Они были изготовлены на имя воронежского дворянина Александра Севериновича Семашко и его жены Марии Валентиновны, т.е. сводной сестры Плеханова и ее мужа. Расчет при этом был очень прост: в случае ареста полиция прежде всего будет наводить справки, есть ли в Воронежской губернии дворяне Семашко, причем на время сбора этой информации задержанных выпустят на свободу, что позволит им уничтожить компрометирующие документы или даже скрыться. Но документы не вызвали никаких подозрений, и новоиспеченные «супруги Семашко» поселились в центре Петербурга, в районе людного Владимирского проспекта, в маленьком двухэтажном домике в Графском переулке. Хозяйки квартиры, добродушные сестры-немки из Риги сдали жильцам две чистенькие, недурно обставленные комнаты, имевшие отдельный выход во двор.

Роза ожидала ребенка и перестала посещать медицинские курсы. В целях конспирации среди знакомых студентов распространили слух, что ее сослали в Сибирь. Плеханов же так изменил свою внешность (он остриг бороду и усы), что стал совершенно неузнаваем. Вдобавок он прекратил посещать рабочие районы и библиотеку,

целыми днями сидел дома, много читал и писал для готовившегося к печати первого номера нового печатного органа «Черный передел». Лишь по вечерам Георгий уходил на конспиративные квартиры, чтобы повидать товарищей и отнести им написанные материалы.

Как вспоминала позже жена Плеханова, этот короткий период его жизни был одним из наиболее плодотворных и интенсивных[1]. Прежде всего нужно было поставить на ноги «Черный передел». Плехановым был написан манифест этой группы, в котором крестьянам предлагалось собирать сходы и посылать ходоков к наследнику престола со следующими просьбами: 1. переделить между крестьянами поровну и без всякого выкупа все казенные и помещичьи земли, луга и леса; 2. предоставить народу право свободно и беспошлинно заниматься любыми промыслами, включая соляной, рыбный, горный и т.п.; 3. уменьшить подати и повинности и простить недоимки; 4. ликвидировать должности урядников, становых, исправников; 5. упразднить паспорта; 6. сократить сроки военной службы и контингенты новобранцев; 7. ввести волостное, уездное и губернское самоуправление через выборных от всего «мира». В случае отказа царских властей удовлетворить эти просьбы крестьянам рекомендовалось не платить податей, отказываться от военной службы и присяги на верность царю, а если на них пойдут силой, — «стоять дружно»[2].

Чернопередельцы считали, что нужно продолжать работу в деревне и среди рабочих, которая, по их мнению, должна была принести гораздо больше пользы, чем революционный террор. Но помимо террора были и другие формы политической борьбы, отрицать значение которых, как это делали бакунисты, считавшие, что конституция и демократические свободы сами по себе ничего не дадут простому народу, было довольно наивно. Как известно, народовольцы снимали эту неувязку ссылкой на то, что в России социальный и политический перевороты неизбежно должны слиться и потому неотделимы друг от друга. Трудно было парировать и другой довод народовольцев в пользу необходимости политической борьбы, состоявший в том, что самоустранение от нее революционеров будет лишь наруку буржуазии, которая постарается обеспечить свои права за счет крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции. Вот почему в упоминавшемся выше манифесте «Черного передела» чисто политические вопросы занимали уже далеко не последнее место, а весь документ приобретал ярко выраженный антиправительственный, а значит, политический характер. Да и сама власть

[1] См.: Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции//Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1928. Сб. 6. С. 93–94.

[2] Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 1. С. 392.

не делала большого различия между революционерами-террористами и членами «Черного передела», в чем Плеханов и его товарищи, находившиеся на нелегальном положении, могли убедиться на собственном горьком опыте.

Большие сомнения стали закрадываться в душу Плеханова и при чтении научной литературы, посвященной крестьянской общине. Он много размышлял над книгой земского статистика В.И.Орлова об общинном владении землей в Московском уезде и над работой крупного русского историка и социолога М.М.Ковалевского «Общинное землевладение: причины, ход и последствия его развития». Содержавшиеся здесь данные о разложении крестьянской общины и о появлении в ней социального неравенства подрывали самые основы народнических взглядов. Р.М.Плеханова вспоминала: «Мне живо помнится, какое глубокое впечатление произвела на него (Плеханова. — *С.Т.*) в ту знаменательную зиму книга статистика Орлова «Общинное владение в Московском уезде». Это серьезное исследование, которое беспощадно било по той основе, на которой строили революционные народники все будущее народного счастья, вызвало драматический момент в жизни Плеханова. Не соглашаться с этими цифрами нельзя было. Эту книгу мы читали вместе, останавливались на каждом факте. Я помню страстные комментарии Плеханова по поводу этих фактов, которые он не оспоривал, но был горячо убежден, что горю можно еще помочь массовым революционным взрывом — «черным переделом», который спасет общину от разложения. В это чтение Георгий Валентинович вкладывал все существо свое; казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, являлся для него вопросом жизни или смерти. По-моему, начало поворота в политическом и социалистическом миросозерцании, еще мало, быть может, сознаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнести к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой скромного статистика Орлова»[1].

В начале 1880 г. в журнале «Русское богатство» была напечатана статья Плеханова «Поземельная община и ее будущее», знакомство с которой показывает, что, несмотря на все сомнения, он еще стойко держался в то время за свои народнические взгляды. Плеханов парировал доводы «антиобщинников» тем, что решающую роль в процессе разложения общины играют внешние, а не внутренние факторы (государственные налоги, грабеж со стороны ростовщиков и т.п.), действие которых еще может быть нейтрализовано благодаря крестьянской революции.

Не могло не настораживать Плеханова и то, что лучшие представители революционной молодежи шли в то время не к чернопередельцам, а к народовольцам. О многом заставил задуматься его и

[1] Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 94.

уход в террор такого выдающегося рабочего вожака, как Степан Халтурин. Во время одной из встреч с Плехановым он сказал, что решил воспользоваться предоставившейся ему возможностью поступить на работу столяром в Зимний дворец, чтобы убить царя. Халтурин попросил Плеханова свести его с народовольцами: он хотел действовать от имени революционной организации, а, кроме того, ему нужны были взрывчатка и помощь в разработке плана этого дерзкого террористического акта.

В душе Плеханова бушевала настоящая буря: он восхищался смелостью своего друга-рабочего, его готовностью к самопожертвованию и вместе с тем понимал, что Степан неизбежно погибнет, не принеся рабочему движению той пользы, которую мог бы принести. Однако отговорить Халтурина от этого шага Плеханову не удалось, и он связал его с народовольцем Александром Квятковским. Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 г. не дал желаемого результата: Александр II остался жив. Погибли же 11 и получили ранения 56 гвардейцев, охранявших царя. Тем не менее Халтурин пошел позже на новый террористический акт, приняв участие в убийстве военного прокурора Стрельникова, и в 1882 г. был казнен.

В дни сомнений и тревожных раздумий Плеханов находил поддержку и опору в своих товарищах по «Черному переделу». «Из его рассказов я знала, — вспоминала Р.М.Боград, — что дух группы вновь объединившихся товарищей был бодрый — чувствовались сплоченность и гармония. Работа шла дружно, без диссонансов»[1]. Особенно сблизился в тот период Плеханов с Верой Ивановной Засулич и Осипом Васильевичем Аптекманом.

Вера Ивановна Засулич была на семь лет старше Плеханова. Жизнь ее складывалась очень нелегко: бедность, трудное, неласковое детство в семье родственниц матери, учеба в московском пансионе, работа писцом в серпуховском мировом суде, а затем переплетчицей в одной из петербургских мастерских. Принадлежность Засулич к дворянскому сословию была чисто номинальной. Уже с 17 лет Вера считала себя социалисткой. В конце 60-х годов она стала преподавать бесплатно в воскресной школе для рабочих, познакомилась с Сергеем Нечаевым, была арестована, около 4 лет провела в тюрьмах и в ссылке. С 1875 г. Засулич жила сначала под надзором полиции, а потом на нелегальном положении на Украине. В Киеве она стала членом народнического кружка «Южные бунтари». В 1877 г. Засулич перебралась в Петербург и стала работать в подпольной «Вольной русской типографии». После покушения на Трепова и оправдания судом присяжных она, опасаясь повторного ареста, уехала на несколько месяцев в Швейцарию, а по возвращении оттуда в 1879 г. вступила в «Черный передел».

[1] Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 95.

Скромнейшая из скромных, непритязательная в быту, застенчивая, Вера Засулич таила в себе огромную нравственную силу, верность революционному братству, готовность к самопожертвованию, незаурядную смелость, врожденное чувство справедливости. Плеханов ценил ее острый ум, широту интересов, несомненные литературные способности, умение разбираться в людях. Р.М.Плеханова вспоминала, с каким восторгом отзывался всегда ее муж об этой хрупкой, внешне неприметной женщине. Их многолетняя, трогательная дружба, о которой мы не раз еще будем говорить на страницах этой книги, оставила яркий след и в судьбе Плеханова, и в судьбе Засулич.

Осип Аптекман был одногодком Засулич. Он родился в богатой еврейской семье на юге Украины, закончил гимназию и в 1870 г. поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Здесь Аптекман примкнул к революционному движению. Уже на следующий год он переехал в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, затем принял участие в «хождении в народ». Где только не побывал он в бурные 70-е годы: лечил мужиков в Псковской и Пензенской губерниях, затем перебрался в Саратовскую, а весной 1879 г. был вызван «Землей и волей» в Петербург. После раскола землевольцев Аптекман вошел в «Черный передел» и стал вместе с Плехановым редактировать его печатный орган.

По свидетельству своих товарищей, Аптекман был яркой, увлекающейся натурой, человеком нежной, «вибрирующей», как выразилась однажды Р.М.Плеханова, души. Он часто менял свои идейные увлечения, сохраняя при этом полную искренность и горячий энтузиазм. Среди друзей Осипа Аптекмана прозвали «неистовым Виссарионом», ибо в его натуре было действительно немало общего с Белинским. Раскол «Земли и воли» привел Аптекмана в полное отчаяние, и он даже покушался на самоубийство. В Плеханова Осип был просто влюблен, и их дружба стала одной из самых ярких страниц его жизни.

Затворничество Плеханова в Графском переулке создавало значительные трудности в его литературно-публицистической работе, поскольку ему остро нехватало новейшей литературы по социально-экономическим, философским и историческим вопросам. «Так писать нельзя! — жаловался он жене. — Надо учиться... Если бы мне хоть годика два поработать на свободе, в большом культурном центре! Наша революционная литература невежественна потому, что статьи пишутся наспех людьми без достаточного образования; между тем надо поставить революционную литературу на большую высоту, чтобы общество не имело права относиться к ней сверху вниз! Тогда только наша литература будет иметь влияние»[1].

[1] Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 101.

Несмотря на все эти трудности, к январю 1880 г. первый номер «Черного передела» был готов. Правда, почти весь тираж был захвачен полицией, и осенью, когда Плеханов уже находился в эмиграции, было решено напечатать его в Женеве заново. Трудно сказать, какое впечатление производили плехановские статьи из «Черного передела» на товарищей по организации, но, перечитывая их сегодня и сравнивая с его предыдущими литературными произведениями, испытываешь такое чувство, будто прямо на глазах совершается великое таинство рождения нового публицистического таланта — настолько сильно и ярко они написаны.

В общем и целом Плеханов еще выступает в «Черном переделе» с позиций бакунизма. Вся история России, пишет он, — это история борьбы двух полярно противоположных начал человеческого общежития — народно-общинного и государственно-индивидуалистического. Основными принципами первого являются коллективизм, мирская взаимопомощь и товарищеская солидарность, второго — насилие, принуждение и эксплуатация. Боевой девиз революционеров-народников «Земля и воля!», фактически взятый ими у самого народа, как бы аккумулировал в себе вековое стремление крестьянства к свободе общинного самоуправления и землепользования, признание равного права всех тружеников на землю, принцип свободного соединения общин в более крупные территориальные единицы. В противовес этому государство то и дело насильственно вторгается в жизнь народа, уродует и безжалостно кромсает живую ткань его обычаев, попирает исконные права. Формы этого насилия, продолжает Плеханов, могут быть самыми различными — от насильственного спаивания народа до не менее насильственного введения в русской деревне культуры картофеля, но суть политики царского правительства от этого не меняется.

Выход из сложившейся ситуации видится Плеханову в коренной ломке всех существующих общественно-экономических отношений и прежде всего в аграрной революции. Обосновывая свой основной тезис, он пишет: «Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим». При этом Плеханов отсылает читателей к более ранней своей статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», как бы подчеркивая этим верность старым, землевольческим принципам[1].

Кратчайший путь к осуществлению аграрной революции в России он видит в уничтожении государства и всех его структур, ибо

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. I. С. 114.

именно они держат народ в кабале. «Толкая народ в активную борьбу с государством, воспитывая в нем самодеятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия.., социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «черного передела», долженствующего свершиться сверху, до активных требований «земли и воли», предъявляемых снизу», — так формулирует Плеханов задачи организации «Черный передел»[1].

Между тем в ноябре 1879 г. народовольцы предприняли новое покушение на царя. За Александром II шла настоящая охота: поезд, на котором он возвращался из Крыма, ждали бомбы на 14-й версте под Одессой, затем в Александровске и, наконец, под Москвой. К операции были подключены лучшие силы «Народной воли» — Михаил Фроленко и Татьяна Лебедева, Андрей Желябов, Софья Перовская, Лев Гартман, Николай Морозов. Чего стоило одно только устройство подкопа под полотно железной дороги возле Рогожско-Симоновской заставы при подъезде к Москве: работали сменами, от полутора до трех часов каждая, продвигаясь за день всего на 1,5—2 метра. Опасаясь обвала, некоторые революционеры брали с собой яд, чтобы в критической ситуации разом покончить счеты с жизнью. Легко представить себе, что чувствовали народовольцы, когда узнали, что вместо царского поезда они взорвали другой, где находилась свита Александра II.

После ноябрьского покушения началась новая полоса репрессий. В этой обстановке в руководящей группе «Черного передела» был поставлен вопрос о временном выезде Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича за границу. Сначала мысль о том, чтобы хотя бы на время покинуть Петербург, казалась Плеханову чудовищной. Прекрасно отдавая себе отчет в реальности нависшей над ним угрозы, он тем не менее считал отъезд за границу изменой революционному делу. Мучило и сознание какой-то невольной вины перед товарищами-народовольцами, делавшими теперь ставку на новое покушение на Александра II прямо в Зимнем дворце (над этим, как уже говорилось выше, работал Степан Халтурин), и опасение, что после его отъезда еще не окрепшая чернопередельческая организация может развалиться, и боязнь потерять на чужбине всякую почву под ногами и превратиться в «лишнего» человека.

Не менее сложные чувства испытывала в то время и его жена, Розалия Марковна, которой предстояло скоро стать матерью. Если сам Плеханов смотрел на вещи достаточно трезво, то Роза еще находилась во власти романтических грез, к которым примешивался и страх перед полной неизвестностью, опасения за мужа и будущего ребенка. Ей казалось, что поехать за границу значит сжечь все корабли, бросить любимую медицину, расстаться с революционной работой. Короче говоря, высокая романтика революции грозила обернуться самым прозаическим и бесславным бегством, продиктованным страхом перед арестом и ссылкой.

[1] Плеханов Г.В. Соч. Т. I. С. 117.

Однако чернопередельцы, особенно О.В.Аптекман, продолжали настаивать на отъезде. В конце концов Плеханов сдался и даже стал находить в поездке за границу некоторые положительные стороны — возможность пополнить знания и проверить правильность своих революционных убеждений. В итоге в январе 1880 г. он вторично — и, как оказалось, на целых 37 лет — стал политэмигрантом, хотя тогда ему казалось, что совсем скоро он сможет вернуться на родину.

Уезжал Плеханов с тяжелым чувством. В Петербурге оставались жена и крошечная дочь, товарищи по революционному делу, а где-то на Тамбовщине — больная, слабеющая мать[1]. Душу мучили сомнения, невеселые житейские думы. Впрочем, никто, в том числе и сам Плеханов, не мог бы сказать тогда, что ждет его впереди.

[1] М.Ф.Плеханова умерла от туберкулеза в возрасте 49 лет. Георгия она не видела с 1879 г., когда приезжала навестить его в Петербург и жила тогда у Н.А.Смирновой, хотя сын к тому времени с ней уже расстался. После 1 марта 1881 г. она пережила несколько поистине страшных недель, пока не узнала, что царя убил не Георгий (см.: Френчер А.А. Указ. соч. С. 40). В завещании, разделив наследство поровну между дочерьми Александрой, Клавдией и Варварой, Мария Федоровна сделала следующую оговорку: «Если возвратится из неизвестной отлучки сын мой, Г.Валентинов Плеханов и будет прощен правительством, то дочери мои, получившие в силу этого завещания в свое вечное владение все мое имение, должны будут выплатить ему, Г.Плеханову четвертую часть стоимости всего полученного ими недвижимого имения моего». Таким образом, мать до последней минуты не забывала своего первенца, которому, однако, так и не суждено было получить прощение правительства, на что надеялась Мария Федоровна (см.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.).